

СВТ. Николай Сербский
(Велимирович)

Житие
СВТ. ГАВВЫ СЕРБСКОГО

СВТ. НИКОЛАЙ СЕРБСКИЙ
(ВЕЛИМИРОВИЧ)

ЖИТИЕ
СВТ. САВВЫ СЕРБСКОГО

Москва
ЛОДЬЯ
2005

Перевод с сербского Анны Евстратовой

Печатается по материалам издания
«Живот светоч Саве»
Свт. Николай Сербский (Велимирович)

© Перевод – А. Евстратова, 2005

© Макет, оформление – «Лодья», 2005

Святитель Николай Сербский (Велимирович)

Николай увидел свет Божий в предпразднство Рождества Христова, на рассвете 23 декабря (по старому стилю) 1880 года, когда Сербская Православная Церковь совершает память святого Наума Охридского. Будущий святитель родился в маленьком селе Лелич, неподалеку от города Валево, и стал первенцем в крестьянской семье.

Впоследствии у него появились восемь братьев и сестер, однако болезни и война унесли их всех.

Свое образование маленький Никола начал в монастыре Челие. Отец привел его туда научить грамоте — хотя бы настолько, чтобы уметь читать повестки от властей и на них отвечать. Однако мальчик учился столь

старательно и успешно, что его направили в гимназию города Валево. Окончив шестой класс, Николай попытался поступить в военное училище, но медицинская комиссия отчислила его, найдя слишком щуплым. Конечно, это было делом Промысла Божия, направлявшего Николая иным путем: в войско Царя Небесного, а не земного. Ибо сразу же после решения этой комиссии мальчик подал документы в белградскую семинарию, куда его и приняли. На протяжении всех лет учебы он был лучшим семинаристом: не ограничиваясь обязательной программой, Николай читал Пушкина, Достоевского, Гете, Шекспира, Гюго и других великих писателей. Своим ораторским даром он восхищал и соучеников, и преподавателей. По окончании семинарии Николай некоторое время учительствовал в сельских школах, затем для получения высшего богословского образования был направлен в Берн. Учебу в Берне 28-летний студент увенчал защитой докторской диссертации по богословию под

названием «Вера в воскресение Христово как основной догмат Апостольской Церкви». Следующий год Николай провел в Оксфорде, где подготовил докторскую диссертацию по философии, которую затем защитил в Женеве на французском языке («Философия Беркли»).

Вернувшись из Европы осенью 1909 года, Николай принимает монашеский постриг, становится иеромонахом и уезжает в Россию, где знакомится с деятельностью Санкт-Петербургской духовной академии и много путешествует, познавая церковную жизнь великой православной державы.

В 1919 году Николай становится епископом Жичским, а в конце 1920 его переводят на Охридскую кафедру, где он прослужит четырнадцать лет. В 1934 году Архиерейский собор возвратит его в Жичу.

Многообразные плодотворные труды владыки на благо сербского народа и его православной Церкви прервала Вторая мировая война. Уже в 1941 году Николай Ве-

лимирович был арестован немцами и сослан под строгий надзор в монастырь Войловицу возле Панчево, где находился в заточении вместе с сербским патриархом Гавриилом.

14 сентября 1944 года немцы отправили епископа Николая и патриарха Гавриила в лагерь смерти Дахау, где они пережили все ужасы этого ада на земле, однако выжили и 8 мая 1945 года были освобождены американской армией.

Некоторое время после того сербские иерархи скитались по западным странам. Затем патриарх возвратился на родину, к кормилу Сербской Церкви, а владыка Николай пошел тернистой стезей эмиграции. Тоскуя по Сербии, святитель носил в сердце горячую любовь к своему народу и желание быть похороненным в родной земле.

Истерзанный душевными и телесными страданиями, владыка в 1946 году прибыл в Америку. В дальнейшем он часто хворал, испытывал боли в ногах и спине — последствия лагерных мучений (о чем свидетельствовал

и русский иеромонах, прислуживавший святителю во время его болезни).

Владыка Николай и в Америке продолжил свою литературную и богословскую деятельность. К этому периоду относятся такие значительные творения, как «Кассиана», «Земля недостижимая», «Жатвы Господни», «Совет» и последнее, незавершенное произведение владыки — «Единый Человеколюбец».

Время от времени святитель занимался преподавательской деятельностью: в нью-йоркской Свято-Владимирской академии, в русских семинариях Святой Троицы в Джорданвилле и Свт. Тихона в Пенсильвании. Здесь и настигла его смерть.

Владыка Николай мирно преставился ко Господу рано утром в Прощеное воскресенье 18 марта 1956 года. Он встал с постели и молитвенно готовился к служению Божественной литургии; и так, на молитве, почил, перейдя из земной Церкви в Церковь Небесную, дабы там служить Богу вечную, небесную литургию.

Из русского монастыря Свт. Тихона тело усопшего владыки было перенесено в монастырь Святого Саввы в Либертвилле и 27 марта при стечении множества верующих со всей Америки погребено у алтарной части храма. 12 мая 1991 года мощи святителя Николая были доставлены к месту его рождения, в Лелич, где и почивают доныне.

В историю Православия архиепископ Николай вошел как верный и преданный воин Церкви Христовой, сильный и мужественный иерарх, крупный богослов и яркий религиозный писатель.

Предисловие

Давным-давно жил один молодой принц. Был он необыкновенно мудр, богат и красив. Все двери мирской славы и наслаждений были для него открыты, но что-то отвращало его от прелестей мира, возжеланных для миллионов людей. И однажды, скрывшись от родителей, он тайно бежал в пустынное место, где поселился как нищий чужестранец. Единственным его желанием было осветить душу свою Божией истиной и Божией волей, и лишь Богу служить.

Много лет спустя этот королевич, водимый рукою Божией, возвратился из пустыни в свою землю как князь Церкви и духовный вождь своей нации на все времена. Хотя у него не было детей, он на протяжении веков

стал отцом для миллионов и миллионов своих духовных сыновей и дочерей.

Это произошло более восьми столетий назад, но факел, зажженный им в своем народе, и доныне пылает, а число его духовных чад постоянно растет. Человек этот был любезен, но неустрашим; удивительно красив — и весьма скромн; очень деятелен, но мирен; общителен — и все-таки уединен. Он прекрасно умел жить в обоих мирах, так что многие брали с него пример.

И сегодня сербы из любви к нему воздвигают в его честь храмы повсюду, где их расселяла жизнь.

Глава 1

Неманя

Отца героя этой истории звали Неманя. Хотя имя сие и библейское (Неемия), оно никогда до того не употреблялось у сербов-христиан, во всяком случае у знатных: князей и воевод. Все они обычно носили имена национального происхождения: Властимир, Драгомир, Тихомир, Часлав, Воислав и подобные им, то есть древние славянские имена, с ясным и красивым значением.

Имя Неманя — символ всего многотрудного правления этого объединителя нации и созидателя национального государства. Когда тезоименитый ему библейский Не-емия по разрешению персидского царя Артаксеркса восстанавливал разрушенные стены Иерусалима, он повелел мастерам одною

рукой производить работы, а другою держать копье (Неем. 4, 17-18), для обороны от беспокоивших их врагов. Так же и Неманя до самого конца своего правления вынужден был одновременно строить и оборонять.

По свидетельству летописца, Неманя родился в 1113 году, а умер в 1199. Таким образом лета его составили немногим меньше века. Почти половину своей долгой жизни он провел в борьбе за единство своего народа и за укрепление отечества.

Неманя родился в Рибнице, близ Дукли, и был крещен в католической церкви, но позднее заново крестился в православном храме Святых апостолов в Расе. Отец его звался Завидой и был одним из удельных сербских князей с резиденцией в Дукле (нынешней Подгорице в Черногории). Мы не знаем ни родословной Завиды, ни его родственных связей с великими сербскими князьями: Десой, Урошем, Вуканом и Бодином. Имя его осталось в истории лишь благодаря известности его сына.

После смерти Завиды Неманя по отцовскому завещанию унаследовал самую восточную четверть сербского княжества: от Раса до Ниша. Прочие три части достались братьям: Тихомиру, Мирославу и Страцимиру. Все четверо были недовольны полученным наследством.

Братья Немани были завистливы и себялюбивы. Они считали, что их земли слишком малы, и каждый из них желал расширить свой удел за счет других братьев. Дальновидного же Неманю беспокоила раздробленность сербских земель. Он мечтал о единстве своего народа и о державе, которая объединила бы всех сербов. В то время существовало несколько сербских княжеств, а разделение княжества Завиды еще более увеличило их численность. Каждому из этих малых государств угрожала опасность стать добычей более сильных соседей.

Ради осуществления своего идеала — объединения всех сербов в одну державу, способную защитить себя и обеспечить свое раз-

витие, — Немане пришлось вступить в схватку и с внутренними, и с внешними врагами. Битва шла с переменным успехом. Однажды он был разгромлен своими братьями и, как некогда Иосиф, брошен в глубокий ров. Чудесным образом его спас святой Георгий, и Неманя продолжил борьбу. В следующем столкновении он одержал победу: старший брат, Тихомир, погиб, а двое других братьев сдались и пообещали никогда больше не устраивать междоусобиц. Так четверовластие прекратилось: Неманя стал единственным правителем отцовского княжества.

Тут начались нападения внешних врагов: Неманя воевал с Византией, Венгрией, Дубровником, Болгарией и крестоносцами. Не входя в подробности всех столкновений, скажем только, что в конце концов Неманя сумел создать сербскую державу от Адриатического моря до Софии и Перника.

Он был прекрасным полководцем, и, как многие великие военачальники, весьма набожным человеком. Как только выпадало

затишье между войнами, Неманя строил храмы: в Студенице, Скопле, Нише, Косанице. Кроме того, по своему христианскому великодушию, он посылал богатые дары храмам в Иерусалим, Константинополь, Рим, Бари и в другие города и веси. А его щедрость к нищим и убогим была широко известна и на Востоке, и на Западе. Могучий ратоборец за свою землю и милосердный человек Божий — таков был Неманя.

Когда византийский царь Мануил впервые встретился с ним в Нише, он был удивлен мудростью молодого человека. Два авторитетных историка описали пребывание Немани в заточении в Константинополе. Евстафий восхвалял храбрость Мануила, «сумевшего покорить сей великий народ (сербов) и их прославленного вождя (Неманю)». Затем Евстафий продолжает: «Я смотрел на Неманю с восхищением: ростом он выше обыкновенного — весьма высокий и красивый человек». Другой историк, Манас, так описывал Неманю: «Варвар, широкоплечий

и красивой наружности, он украсил императорский триумф, хотя и был встречен жителями Константинополя с насмешками».

С приведенными выше описаниями совпадают и изображения Немани на фресках в монастырях Сербии, Афона и Болгарии. Он всегда предстает перед нами в образе восьмидесятилетнего старца-монаха, с классическими чертами лица, исполненный величия и силы.

Глава 2

Принц Растко

Сербский народ весьма чадолюбив. Многодетность сербы считают великой Божией благодатью.

У Немани и его жены Анны было двос сыновей и несколько дочерей. Супруги достигли весьма зрелого возраста, и Господь уже перестал посылать им потомков, однако Анна и Неманя стали в молитвах просить у Господа еще одного сыночка, который стал бы им опорой и утешением в старости. И обещали, что после рождения третьего сына продолжают свою жизнь уже не как муж и жена, а как брат и сестра. И Господь Бог, по великой Своей милости, даровал им чадо мужского пола.

Это действительно был чудный ребенок, красивый и смысленый. В крещении ему да-

ли имя Растислав, сокращенно — Растко. Счастливые отец и мать смотрели на дитя с нежной любовью и святым благоговением, не как на рожденное ими, а как на дарованное небесами. Мальчика воспитывали лучшие учителя, каких только могли найти для своего любимца его родители. И в учении, и в поведении он был честью и радостью своих наставников.

Когда Растко исполнилось пятнадцать лет, Неманя выделил ему область, дабы тот приобрел опыт правления и административной деятельности и дал в помощь нескольких опытных вельмож и офицеров, которые должны были наставлять юношу в государственных делах и военном искусстве. Растко ревностно и тщательно исполнял наставления старших. Впрочем, не избегал он и некоторых развлечений: особенно любил охоту. Однако никогда не предавался излишествам и всегда уклонялся от вечерних пиров.

Вместо того чтобы тратить время на суетные забавы, юный принц читал серьезные ру-

кописи на пергаментях, приобретенные для него отцом, особенно о религии и истории. Он регулярно посещал церковные богослужения, молился, постился и подавал милостыню бедным. Все восхищались целомудрием Растко и любили его за необыкновенное благородство. Богатые подарки, получаемые им от родителей и знатных вельмож, он раздавал своим служащим, учителям и товарищам, ничего не оставляя себе.

Даже в самые юные годы Растко любил глубокие и долгие размышления о вере, что необычно для молодых людей. При этом он был весьма трудолюбив и исполнял свои обязанности самым добросовестным образом. Но после работы, в свободные часы, он охотнее всего размышлял о великих тайнах человеческого бытия. Конфуций сказал: «Работать — легко, тяжело — думать». Потому-то между сынами человеческими намного больше работников, нежели мыслителей. Сербский принц всегда был готов к работе и склонен к размышлению. Сии две

врожденные особенности влияют на формирование самых мудрых и самых сильных личностей в истории.

Таков был королевич Растко, сын Немани, нежная ветвь могучего древа.

Глава 3

Несостоявшаяся женитьба

Чем дальше на Восток, тем все больше распространен обычай ранних браков. Родители-сербы заботились о том, чтобы сыновья их женились, как только достигнут возраста, предписываемого Православной Церковью. Сентиментальное основание для этого — желание как можно скорее дождаться внучат; моральное — желание уберечь детей от развращенности; и, наконец, практическое — желание побыстрее получить помощь в сельскохозяйственных трудах и ремеслах, исконно двух главных занятиях сербов. Особая причина того, что Неманя и Анна хотели видеть Растко женатым уже в семнадцатилетнем возрасте, заключалась в их преклонных годах.

Спустя два года родители пригласили Рас-тко в столицу — город Рас, располагавшийся в узкой, но плодородной долине, окруженной горными склонами. Кстати говоря, из-за названия этого города сербскую землю в то время часто называли Расией (теперь на его месте находится другой город — Нови-Пазар).

В отличие от царской роскоши позднейших времен, жизнь балканских монархов эпохи Немани была скромна. Так было даже при дворе весьма цивилизованной Византии. По историческим сведениям великий жупан Неманя был чрезвычайно богат: имел «семь башен серебра и дукатов», но при этом, будучи христианином и воином, вел чрезвычайно скромную жизнь.

Резиденция Немани представляла собою большое четырехугольное пространство, огражденное стеной с наблюдательными вышками на каждом углу. Посреди двора располагался двухэтажный дом великого жупана, с погребом, использовавшимся для хранения продовольствия. Первый этаж

был каменный. Трапезную украшал резной деревянный потолок. Верхний этаж был деревянный, оштукатуренный изнутри. Свернутые соломенные тюфяки, подушки и шерстяные покрывала-ковры днем хранились в многочисленных стенных нишах. Спали на деревянном полу. Были и другие комнаты, побольше и поменьше, с крашеными шкафами для одежды и оружия. Стены покрывали висевшие на крюках щиты, сбруя и луки, латы, алебарды и прочее снаряжение. Имелся тут и маленький домовый храм, украшенный драгоценными иконами и подсвечниками. Пред иконою святого первомученика Стефана денно и ночью горела лампада: он был святым покровителем дома Немани. Кстати говоря, по имени своего покровителя (по-сербски — «славы») принцы и короли из династии Неманичей ставили с тех пор перед своим именем и имя Стефан: Стефан Неманя, Стефан Первовенчаный, Стефан Урош, Стефан Драгутин, Стефан Милутин, Стефан Душан.

Существовали и особые комнаты для близких родственников и друзей. Во дворе, возле главного здания, находились три одноэтажных дома: один для скупщины (государственного собрания), другой — для иностранных гостей и третий — для переводчиков, гонцов, и прислуги. Снаружи, возле стены, располагался еще один пространный пояс, защищенный второй стеной и укреплениями. Там были помещения для воинов, сокольников, щитonosцев, псарей, конюхов.

В сопровождении своих придворных Растко прибыл в отчий дом. Поцеловал руки родителям, а они тепло обняли и облобызали его. Мать плакала от радости, а отец с гордостью смотрел на своего любимца, бывшего уже ростом с него самого. Вот он снова стоит перед ними, самый дорогой для них, самый любимый и самый милый! Своим опытным и проницательным взглядом Неманя долго измерял Растко — высокого и стройного юношу с каштановыми волосами и голубы-

ми глазами, любезного, живого, открытого. «Действительно, замечательный молодой человек и созрел для женитьбы», — размышлял отец.

И началось празднество, продолжавшееся дни и недели. Князья, воеводы, воины и массы простого люда заполнили город Рас и двор великого жупана, желая увидеть и поприветствовать Растко Неманича, самого популярного и любимого из всей знати.

По обычаю, мать первая заговорила с Растко о его женитьбе; затем близкие родственники и, наконец, отец. Принц, стараясь не обидеть старых родителей, слушал учтиво, искренне улыбался, но отвечал неопределенно. Между тем, Неманя и Анна наблюдали за его поведением и обнаружили, что он то и дело о чем-то глубоко задумывается и мысли его далеко. Заметили, что по вечерам Растко покидает пиры весьма рано. Ночью его заставляли в домовом храме коленопреклоненно молящимся с глубокими вздыханиями.

Среди прочих посетителей находилась тогда в Расе и группа черноризцев — монахов со Святой Горы: сербы и один русский. Это было не первое их посещение Расы, и им была хорошо известна щедрость великого жупана. В очередной раз пришли они предложить свои молитвы и попросить пожертвований на святую обитель. Неманя любил их за благочестивую мудрость и за богослужение на славянском языке. Ему нужны были иноки для монастырей: вероятно, он предлагал и им найти молодых благочестивых кандидатов и взять их с собою, дабы, обучив, вернуть на родину.

Растко часами беседовал с монахами. Он любознательно расспрашивал и слушал. Главным среди них был самый старший монах, русский. Он говорил Растко о бренности земной жизни и о Святой Горе как о пороге Царствия Божия и лучшем убежище от суеты. Растко впитывал каждое слово.

Неманя и Анна, узнав об этих беседах от родственников, обеспокоились. Все-таки

они жили надеждой. Они стали гораздо серьезнее говорить с Растко, подчеркивая важность семейной жизни как для его личного счастья, так и для блага державы. Ему называли имена самых знатных и красивых девиц, из коих одни были дочерьми сербских вельмож, а другие — иностранными принцессами. Всякий царский или королевский дом того времени был бы счастлив отдать дочь за Растко и породниться с великим жупаном, выделявшимся среди правителей в этой части мира своим богатством и могуществом. К счастью или к несчастью, все Неманичи, кроме самого Немани, начиная с его сыновей Вукана и Стефана и заканчивая последним в династии, царем Урошем, сыном Душана, были женаты на иностранках.

Растко был весьма растроган уговорами родителей и с величайшим почтением поцеловал им руки, воздерживаясь от какого бы то ни было ответа. Но чуткие сердца отца и матери догадывались об отказе. Тем не ме-

нее, надежда их ожила, когда принц попросил у отца позволения отлучиться на охоту.

Обрадовались старики-родители: им было приятно, что Растко отдалится от черноризцев и весело проведет время. Они радостно благословили его, не ведая, что с этого мгновения и для них, и для их сына начинается совершенно иная жизнь.

Глава 4

Беглец

«Суета сует, — все суета!» — написал за двадцать один век до Растко один старый царь, погрязший в наслаждениях мира сего. Он приближался к мрачной могиле и не ожидал после смерти ничего, кроме наказания Божия — и эта его безнадежность была естественной.

За семнадцать веков до Растко индийский принц Гаутама Будда вел жизнь веселую и полную удовольствий. У него были жена и сын. На четвертом десятке лет он разочаровался в жизни, оставил мир, семью и удалился в лес как нищенствующий монах. Оттуда он начал убеждать своих соотечественников, что все сущее есть суета и что единственное спасение от этого — в небытии и уничтожении.

Точно так же и современник сербского принца, Франциск Ассизский, прошел чрез все мутные воды развратной жизни, прежде чем понял истинную сущность бытия и из любви ко Христу оставил обманчивую пестроту мира.

И все-таки историю Растко трудно сравнить с перечисленными, потому что сербский принц уже в семнадцать лет осознал суетность мира. Он видел вокруг себя губительность похотей, знал, что следствие греха — проклятие и потому бережно хранил чистоту души и тела. Он видел, сколь переменчивы и ненадежны царства и земные богатства, мирская слава и блистательная роскошь; он также узрел, что красота видимая исчезает как тень. Юноша разочаровался в таком мире. Необычайно умный и весьма чуткий, он наблюдал: картина мира непрестанно меняется, колесо человеческой судьбы быстро поворачивается, а бездонная яма смерти поглощает всех. Так является ли смерть единственной

реальностью, а жизнь — случайностью в этом мире, или верно обратное?

Христос открыл и доказал: верно обратное. Потому Растко желал обручить свою душу с Владыкою жизни. Вот почему он уклонялся от всякого иного обручения. Его юная душа жаждала самого лучшего, самого надежного и самого возвышенного.

Святогорские монахи только помогли взрастить семя, которое уже проросло в сердце Растко. Единственной причиной, по которой молодой принц некоторое время колебался, была его любовь к родителям. Но даже и эта привязанность отступила, когда он услышал речи старого монаха, подчеркивавшего слова Христовы: Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня (Мф. 10, 37). И вот теперь Растко, при всей своей невинности и незлобии, решился уйти от родителей — решился, конечно, не без внутреннего мучения и стыда, ведь отправлялся он, если и на охоту, то — за венцом небесным. Вскочив на самого быстрого

коня, он поскакал догонять монахов, которые отбыли раньше. Догнал, и вместе с ними направился в чужую далекую землю.

Темная ночь укутывала погрузившиеся в сон Балканы. С сердечным волнением королевич Растко, бежавший от ослепляющего блеска мира сего, спешил навстречу будущему, покрытому неизвестностью.

Глава 5

Отчаянная погоня

В этом мире любовь не отделима от страдания. Чем больше любовь, тем больше страдание при разлуке.

Страшная весть была как гром среди ясного неба для народа, который все еще веселился, и особенно — для Немани и Анны. Сначала даже подумали, что Растко могли сожрать дикие звери. Но когда великий жупан узнал, что и монахи исчезли, то позвал своего воеводу. Неманя повелел ему взять нескольких офицеров и тотчас же отправляться в Фессалоники, а если понадобится, то и до Святой Горы: найти Растко и вернуть его домой. Он дал воеводе и письмо к губернатору Фессалоник, в котором требовал помощи в розыске и возвращении

Растко. В противном случае Неманя угрожал войной.

И группа сербских дворян на арабских скакунах помчалась за Растко. Губернатор Фессалоник принял их с почестями. Он, конечно, был обеспокоен письмом Немани. Дружественные отношения с могущественным сербским властителем были для него чрезвычайно важны, и он начал тщательно обыскивать город и окрестности. На дорогах поставили стражников, путников проверяли, однако все было бесполезно. Старый монах знал тайные тропы.

Затем губернатор написал резкое письмо проту — управителю Святой Горы, предупреждая его, чтобы тот поступил по требованию Немани, «да не станет наш друг и отец юноши нашим врагом».

После утомительной дороги по лесистому полуострову Халкидики сербские всадники в конце концов приехали на Афон. Тут они узнали, что группа иноков-сербов прибыла в монастырь Св. Пантелеимона, тогда назы-

вавшийся Солунским монастырем. Посланники Немани продолжили свой путь в гору, до малой гостиницы. Там они наконец нашли Растко. Он еще был в мирской одежде.

Воевода описал ему страдания и отчаяние его родителей, советуя послушаться повеления великого жупана: немедленно возвращаться домой.

Растко, которого застали врасплох, просил воеводу отложить разговор до утра, а пока как следует отдохнуть после долгой дороги.

В ту же ночь Растко принял монашеский постриг с именем Савва.

Когда воевода, пробудившись поутру, не нашел Растко, он разозлился на монахов, особенно на того русского старца, который много рассказывал о Святой Горе. Его воины в ярости набросились на иноков. Услышав причитания братии, Савва показался в маленьком оконце храма. Подозвав воеводу, бросил ему под ноги узел со своею мирской одеждой: «Отнеси это моим родителям и скажи им, что ты видел меня и что я — монах

по имени Савва». Он дал ему и письмо к своим родителям, в котором извещал обо всем случившемся и просил простить его.

Теперь воевода был совершенно бессилен, так как по законам Восточной Церкви, когда гражданин принимал монашество, он уже не мог быть наказан светскими властями. В отчаянии воевода воскликнул: «Ты человек без сердца! Ты обманул родителей, а теперь и нас!» Савва плакал.

И преследователи покинули Святую Гору.

В то незабвенное утро принц Растко исчез навсегда, а на сцену драматичной истории православия вступил Савва.

Глава 6

Удел Пресвятой Богородицы

Гора Афон, или Святая Гора является необыкновенным местом, самым удивительным на всем Балканском полуострове и во всем православном мире. На карте виден полуостров Халкидики с тремя узкими выступающими полуостровами, тянущимися к Эгейскому морю, словно три пальца руки. Первый называется Лангос, второй — Кассандра, а третий, самый восточный, — Афон, или Святая Гора.

В то время как первые два голы и безводны, Святая Гора покрыта зеленью и богата водой. Каштаны и сосны в больших количествах дают строительный материал и горючее. Плодородные низины, плоскогорья и долины пригодны для виноградников, фруктовых са-

дов и огородов; много там оливковых деревьев и смоковниц, грецкого и лесного ореха, а также ежевики и других ягодных кустарников. Единственным видом связи является передвижение пешком или на мулах. Чтобы пройти Афон пешком поперек, потребуется три-четыре часа, а вдоль — около трех дней.

По историческим свидетельствам, Афон в древнейшее время был прибежищем язычников. Сначала там был жертвенник Аполлона, откуда и старое имя той земли — Аполлониада, а позднее — капище Афона, вымышленного божества. Территория эта была населена народами разных национальностей с общим греческим языком. Они жили в девяти городах. Христианское предание говорит, что в 44 году от Рождества Христова посетила гору сию Дева Мария. Народ радостно встретил Пресвятую Богородицу и внимательно слушал благую весть о Ее Сыне. Тогда Она изрекла: «Пусть земля эта навеки будет Моею как дар Сына Моего и Бога!» При том некоторые язычники были

крещены Лазарем, который был воскрешен Христом в Вифании и впоследствии стал епископом на Кипре. Он сопровождал Пресвятую Деву Марию.

Число крещеных людей на Афоне настолько возросло, что в царствование Константина Великого сюда был направлен епископ. Звали его Макарием, а кафедра находилась в Аполлонии (теперь — Ерисос). Бывал здесь и апостол Павел. Император Феодосий подчинил эту епархию власти архиепископа фессалоникского Асколия, крестившего его. Дочь Феодосия Пласида посетила Афон, чем вызвала еще больший интерес к Горе; так что все больше людей из столицы и других областей Азии и Европы, искавших тихой жизни и прибежища вдали от мира, потрясаемого и раздираемого еретическими столкновениями, обретали здесь утешение и приют.

С тех пор как цари стали покровительствовать Горе Афон, многие устремились в этот край, исключительно удобный для ничем не

тревожимой аскетической жизни. Один за другим рядом с хижинами и пещерами возникали монастыри. Петр Афонский, бывший аристократ и ратник, а позднее пустынник, прожил здесь пятьдесят три года (681-734), еще более прославив землю эту своими подвигами и чудесами. Многие пришли, чтобы последовать примеру его жития. Наконец в Карее было организовано центральное правление: синод во главе с протом.

Так была утверждена монашеская республика — Святая Гора, с крупными монастырями как независимыми единицами. Присутствие женщин и вкушение мяса в уделе Пресвятой Девы было строго запрещено. Нравственная чистота, послушание, нестяжание, молитвенность и братолюбие были главными правилами. В большинстве монастырей жизнь строилась в основном по монастырскому уставу святителя Василия Великого. Все прочие формы православной аскетики практиковались в скитах, келиях и пустынях Святой Горы, а оттуда переноси-

лись в православные страны. Так Афон, бывшее языческое капище, обратился, по промыслу Божию, в Святую Гору для всего христианского мира. Гора Афон стала духовною преемницей и очагом египетского святоотеческого пустынножительства, после того как Египтом овладели мусульмане.

Естественно, первыми монахами на Афоне были греки. За ними пришли албанцы, болгары, грузины, сербы, румыны и русские. Во времена сербских жупанов, при Немане, упоминается о сербских монастырях XII века, которые уже упрочились и имели несколько меньших монастырей и келий. Самым большим сербским монастырем был Русик. Сербский епископ Дионисий полагал, что Русик и во времена святителя Саввы, и до него и долгое время после него был сербским, а не русским монастырем. Основывает он это предположение на свидетельствах известных описателей Святой Горы: священника Герасима Смирнакиса и Порфирия Успенского, а также на нескольких сербских документах.

Глава 7

Новоначальный

По иноческим правилам, кандидат, прежде чем стать монахом, должен несколько лет пробыть послушником. На Святой Горе срок искуса как правило длится дольше, чем в других монастырях мира. Однако, благодаря стечению обстоятельств, Растко стал монахом без испытания. До того как он превратился в Савву, он провел в Русике всего несколько дней, больше как гость, чем как послушник. И все-таки, будучи монахом, он прошел весь многотрудный путь подготовки, считая себя очень молодым и последним из братии.

В Русике Савва оставался недолго, несколько месяцев. Затем был переведен в Ватопед, один из старейших монастырей Святой Горы. Произошло это следующим образом.

Ватопедский игумен пригласил на престольный праздник Благовещения настоятеля Русика. Тот взял с собою и Савву, который произвел столь дивное впечатление на всю братию Ватопеда, что игумен попросил его остаться в монастыре. Отцы настоятели договорились о переселении, Савва остался в Ватопеде и надолго: на девятнадцать лет.

Для Саввы было несомненной удачей то, что он оказался именно в Ватопеде, где была богатая библиотека творений святых отцов Православной Церкви в греческом оригинале. Здесь были представлены высшие достижения утонченной византийской цивилизации: архитектура, живопись, поэзия, музыка, ремесла и даже этикет. Ибо со времен Константина, Феодосия, Аркадия и до конца династии Палеологов Ватопед был образцовой обителью. Единственный царь, который не только не помогал этому монастырю, а, напротив, разорил его, будучи позднее поддержан в этом мусульманами, — Юлиан Отступник.

В таком центре духовности и цивилизации Савва имел возможность отлично выучить греческий язык и выстроить свой характер, используя лучшие примеры, которые видел, и лучшие книги, которые читал. Если учесть все это, а также то обстоятельство, что позднее Савва с отцом получили от Ватопеда большой земельный участок, где воздвигли сербский монастырь Хилендар, — нельзя не узреть в Саввином переселении Промысл Божий.

Но вернемся в Рас. Приехавший воевода поведал великому жупану, что произошло с Растко, и отдал узел с одеждою принца и его постриженными волосами. Неманя и Анна снова оплакивали своего сына как мертвого, и снова королевский двор превратился в дом скорби. Преодолевая боль, Неманя написал Савве письмо, в котором просил его приехать домой, хотя бы на краткое время. При этом он послал сыну крупную сумму денег на личные нужды, на монастырь и нищих. Будучи мудрым человеком, Неманя хотел,

чтобы Савва с помощью этих подарков приобрел себе друзей на чужой стороне, — так и получилось.

По благословению своего настоятеля, Савва несколько раз прошел Святую Гору. Путешествуя босиком и вкушая лишь хлеб и воду, он посетил Карею и прежде всего, из почтения, прота. После сего он побывал в больших монастырях: Котломуше, Ивероне, Филофее, Каракале, Лавре и других, где сотни монахов жили вместе, по общежительному уставу. Из Лавры он поднялся на вершину Афона, откуда можно было увидеть всю Святую Гору, а вдали — с одной стороны Константинополь, с другой — Фессалоники. Восхищенный величием красотою творения Божия, Савва преклонил колена на этой высочайшей скале и со слезами на глазах возблагодарил Пресвятую Богородицу за то, что Она столь милостиво приняла его в Свой удел.

Спускаясь с вершины горы, Савва посетил пещеру преподобного Петра Афонского

и другие пещеры, келии, скиты. Затворники жили обособленно и уединенно, скрываясь от людей, в тишине, в деревянных хижинах, пещерах и ущельях земли (Евр. 11, 38) и предаваясь молитве. Их потребности были крайне незначительны, а попечений они не имели никаких. Некоторые и вовсе жили под большими деревьями или нависающими утесами. Обиталища эти располагались подчас в довольно опасных местах, на крутых склонах. Из таковых поселений известны, например, Каруля и Кавсокаливия. Последнее переводится как «сжигатель хижин». Это название дано отвесной части Святой Горы после преподобного Максима Кавсокаливита (XIV в.), который строил нехитрые шалаши для кратковременного обитания, а уходя, сжигал их. Он прославился тем, что, подвижаясь в умной молитве, стяжал дар предвидения и прозирал во времени и на расстоянии.

Перенимая опыт духовной жизни, Савва познакомился со всеми насельниками Святой Горы. Во время своих путешествий моло-

дой монах дважды попадал в плен к разбойникам, однако всякий раз его благополучно отпускали, а некоторых из злодеев он даже сумел обратить к покаянию.

Обогащенный новым опытом, Савва вернулся в Ватопед: тихий нравом, богатый духовным знанием и более чем когда бы то ни было готовый служить Богу и своим ближним.

Глава 8

Строитель

Из Раса прибыли очередные дары Нема-ни: несколько сундуков с золотыми и серебряными сосудами, мешок золотых монет, рулоны шелка, парчи, ткани для монашеских ряс и даже кони, необходимые для работы и для передвижения в бездорожном краю. Родители прислали все это своему дороговому чаду, прекрасно зная: он ничего не оставит себе.

Савва мудро распорядился королевскими дарами: ткань раздал братии, деньги пустил на строительство: расширявшемуся монастырю были нужны новые помещения, и Савва выстроил несколько зданий. Затем возвел три каменных храма, посвященных Пресвятой Богородице, святителю Иоанну Златоус-

ту и Преображению Господню. Кроме того, обновил многие подсобные помещения, и хозяйственные постройки. За эту деятельность собор монастыря почтил Савву титулом «Второго основателя Ватопеда». Первым основателем, как известно, был император Феодосий Великий (346-395).

При проведении работ Савва не только надзирал и давал указания, но трудился как чернорабочий. Кроме того, он исполнял свои повседневные обязанности в храме, на кухне и в архондарике, где принимают посетителей, перевозил на лодке грузы, ловил рыбу, пек хлеб, работал в поле и виноградниках, рубил дрова, читал на богослужениях и пел в хоре. Он всегда был готов помочь всякому, всегда был улыбчив, никогда не выглядел утомленным, никогда не жаловался на усталость. Его ярко-голубые глаза светились искренностью и дружелюбием. Как был он самым любимым принцем при дворе своего отца, так стал и самым любимым монахом в Ватопеде.

Строя храмы видимые, он одновременно созидал и невидимый храм в своей душе. Его уста, по обычаю всех истинных монахов, непрестанно шептали слова молитвы Иисусовой: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!»

Ценность умной молитвы весьма велика. До Афона она была известна отцам в Египте и на Горе Синай. Произносящий ее инок защищен от непотребных мыслей, сердце его соблюдено в чистоте, лукавые духи отогнаны, а немощь и страх исчезают. Известно, что по достижении высокого духовного опыта, подвижники могли продолжать молитву даже во сне. И Савва много работал, чтобы достигнуть духовного совершенства.

Такой многотрудной жизнью Савва жил в Ватопеде. Послушание это было для молодого человека невероятно тяжелым. Но, с помощью Божией, он прошел его, смог победить скверные и непотребные похоти плоти и заменить их желаниями святыми, чистыми и возвышенными, так что тело его уже не

имело власти над душою, как телега не имеет власти над возницею.

На протяжении десяти лет Савва и Неманя обменивались многочисленными письмами, в которых приглашали друг друга в гости. Отец желал прежде своей смерти еще раз повидать сына, а Савва настоятельно убеждал родителя провести последние дни на Афоне, в приуготовлении к переходу в мир иной. Его последнее послание к Немане было весьма строгим, почти грозным: «Если же не послушаешь слов моих, — писал Савва, — то оставь надежду увидеть меня в жизни будущей». Одновременно он предложил своей матери Анне удалиться в женский монастырь и принять постриг.

Это суровое письмо принесло долгожданный плод. Оно подготовило встречу отца и сына, пусть не на родине, а на чужбине, которую Савва сделал духовным домом для них обоих — и не только для них, но и для будущих поколений сербов.

Глава 9

Отец, послушный сыну

В марте 1196 года великий жупан созвал в Расе собор и объявил о своем намерении оставить престол.

Старец приветствовал собравшихся скорее как отец, а не как государь, обратившись к ним со словами: «Дорогие мои чада!» Затем он описал чрезвычайно тяжелое положение, в котором была Сербия сорок лет назад, когда он по промыслу Божию ее возглавил. Неманя напомнил о том, как запутались тогда сербы в междоусобных распрях, как были смущены еретической пропагандой, как им непрестанно угрожали более сильные соседи; напомнил о тогдашних поражениях, нищете и зависимости. Воистину, положение совсем незавидное! Напомнил и о том, как с Божией

помощью и в соработничестве с народом сумел он покорить неприятелей, расширить сербское государство «вдоль и поперек» и объединить почти всю сербскую нацию.

Наконец Неманя заклинал всех бояться Бога, хранить православную веру, блюсти закон и порядок, им установленные, быть верными новому великому жупану, его преемнику, почитать священнический и монашеский чин. Свою речь старец заключил словами: «Твердо держитесь правды и братолюбия и не забывают милосердия. Мир всем!» После того представил он собору младшего сына Стефана, говоря: «Возьмите сего вместо меня! Он благородная ветвь моего ствола. Я возвожу его на престол, дарованный мне Христом». Старшему сыну Вукану Неманя дал в управление приморскую провинцию, Южную Далмацию, с титулом принца.

Затем он обратился к обоим сыновьям с дивным поучением. «Сыны мои, возложите упование на Бога и не гордитесь своею мудростью и силою. Не унывайте, когда Бог вас

наказывает или обличает, ибо Бог, кого любит, того наказывает, дабы сделать его лучше. Даю вам сию заповедь, коя свыше есть: не мыслите друг другу зла, но имейте между собою любовь нелицемерную. Ибо не любящий брата своего не любит и Бога, Который есть Любовь».

Тогда при великом плаче и причитаниях народа, скорбящего о разлуке со своим могучим государем и отцом, Неманя в сопровождении сыновей, вельмож и воевод направился в храм Святых апостолов Петра и Павла. Епископ Рашский и великий жупан возложили свои руки на главу коленопреклоненного Стефана и благословили его как нового великого жупана Сербии.

«Теперь же, — сказал Неманя, — дайте мне возможность вечерять вместе с вами как обычному гражданину». За ужином он беседовал со всеми тепло и сердечно, словно с родными детьми, а потом наделил присутствующих многими дарами, и раздал богатую милостыню нищим.

На следующее утро епископ Каллиник постриг обоих, Неманю и Анну, облек их в черные одежды и изменил имена, назвав Неманю Симеоном, а Анну — Анастасией. Это произошло на Благовещение, 25 марта 1196 года. Вскоре после совершения сего обряда Симеон и Анастасия расстались. Симеон отбыл в монастырь Студеницу, а Анастасия — в монастырь Пресвятой Богородицы близ Куршумлии. Так для обоих началась новая жизнь.

Около восемнадцати месяцев Симеон жил в Студенице как обычный монах, строго придерживаясь всех предписаний, касающихся молитвы, поста, учения и труда. Он снял с себя одно великое бремя, но взял другое. За это время с помощью Симеона в монастыре установился новый хозяйственный порядок, увеличилось число братии. 8 октября 1197 он навеки простился со своей страной, отправился на Святую Гору и 2 ноября прибыл в Ватопед.

Ватопедский игумен и братия встретили Симеона с великими почестями и радостью.

Под непрерывный колокольный звон все тут же отправились в храм, дабы возблагодарить Господа Бога.

Там и увиделись отец и сын. После десятилетней разлуки они пали в объятия друг другу. Давным-давно они расстались как великий жупан и принц Растко, а ныне встречаются в чужой стране как монах Симеон и монах Савва. Симеону восемьдесят четыре года, Савве — двадцать семь... они подобны снежной зиме и цветущей весне, но сердца их равно осияны Божественной любовью. Прот, услышав о прибытии великого жупана, спустился из Карей, чтобы приветствовать почетного гостя. Симеон в смирении своем поклонился ему, а прот опустился пред ним на колени, и они по-приветствовали и обняли друг друга. Это было великое событие в истории Святой Горы, ибо до того ни один великий правитель православного народа не приходил в удел Пресвятой Богородицы как монах к бедным монахам.

Прибыли и настоятели всех крупнейших афонских обителей со множеством черноризцев, чтобы увидеть и поприветствовать бывшего прославленного властителя, а ныне подобного им смиренного инокa. Симеон, желавший как можно лучше узнать монашескую жизнь, живо интересовался их опытом, приобретенным на пути ко спасению. Ни один из них не ушел без привезенных из Сербии даров. Старец привел с собою множество мулов и коней, нагруженных дорогими подарками, нужными для храмов и для братии. Большую часть сего — две большие корзины золота и серебра — он передал Ватопеду.

После того Савва отвел утомленного отца в выстроенный для них двоих дом. Отныне и до конца жизни отец уже не разлучался с сыном.

Глава 10

Хилендар

Как только Симеон отдохнул, он пожелал осмотреть всю Святую Гору. Но, по монастырскому правилу, ничего нельзя делать и никуда нельзя пойти без благословения настоятеля. Так славный старец, в свое время командовавший многотысячным войском, теперь должен был слушаться обычного монаха — игумена! Благословение было дано, и он отправился, вместе с Саввою и несколькими сопровождающими.

Савва хотел, как обычно, идти босиком. Видя это, отец сказал ему: «Пощади меня, чадо, ибо ты уязвляешь сердце мое теми острыми камнями, по которым ступаешь». Савва послушал его, обулся и сел на коня. За ними следовало несколько мулов, нагруженных подарками.

Симеон и Савва были гостеприимно и со всеми почестями приняты у прота в Карее, а также и во всех прочих монастырях и скитах. Они раздавали дары щедро и в таком количестве, что имена их как ктиторов были записаны вместе с именами королей и царей. Особенно щедр Симеон был к пустынникам.

На обратном пути старец чувствовал себя весьма усталым. Он с вздыханиями и слезами жаловался сыну на то, что из-за старости и изнурения не в состоянии стоять во время молитвы, преклонять колена и класть поклоны, а также поститься по уставу. Савва утешал его: «Не скорби, отец мой и господин! За то, что ты послушал меня и пришел сюда, я буду полагать за тебя поклоны, поститься за тебя, и молиться Господу о душе твоей». Такой великой и живой была их взаимная любовь.

И вновь пробудилось их неутолимое желание созидать. Наряду с тремя храмами, кои Савва выстроил ранее, они воздвигли еще три, а также построили новые корпуса

для братии и богомольцев, обновили разоренный пиратами и разбойниками монастырь Просфору. Затем насадили новые виноградники и фруктовые сады. Потому и не удивительно, что их портреты как новых ктиторов Ватопедского монастыря, позднее были написаны у входа в Большой храм.

В то время Савва обнаружил древние развалины обители Хилендара, принадлежавшие Ватопеду, и предложил восстановить заброшенный монастырь. Для этого требовалось одобрение византийского императора, и Савва, по благословению настоятеля, отправился в Константинополь. Он сумел получить от царя заверенное печатью разрешение, позволявшее Ватопеду обновить Хилендар, который, разумеется, должен был принадлежать Ватопеду.

И тогда произошло неожиданное. Некий таинственный муж посетил Савву и сказал: «Ты любишь странников и сирых. Ты очень много сделал для чужих обителей Святой Горы, особенно для Ватопеда. Послушай моего

совета — совета того, кто говорит тебе во имя Божие. Найди место, возведи монастырь для своего собственного народа и назови его сербским монастырем. Он будет для многих твоих соплеменников пристанищем спасения.» Услышав сие, Савва поспешил известить о неожиданном совете своего отца. Симеон сказал: «Это был ангел, посланный от Бога».

Свое желание, связанное с Хилендаром, они изложили игумену, тот отверг его без обсуждения. Тогда Савва и Симеон обратились к проту, и последний с радостью согласился.

Симеон хотел лично видеть место. Однако он был слишком немощен, чтобы ехать верхом, и его поместили на носилки, укрепленные между двумя конями.

Осмотрев местность, развалины, оливковые рощи и морскую пристань Хилендара, Симеон остался доволен. Он, покинувший свою страну и народ, дабы забыть их и быть забытым, то есть умереть для мира сего и жить для иного, ныне снова возрадовался. Ему стало ясно: Бог привел его и его сына на

Афон не только ради их личного спасения, но и для того, чтобы чрез них помочь их родному народу — сербам.

Кто был незнакомец, подавший Савве мысль о сербском монастыре на Святой Горе? Может, некий сербский отшельник или пустынник, а может быть, и ангел с небес. Во всяком случае, он очевидно был вестником Божиим. «А волю Божию должно исполнить», — рассуждал Симеон.

Ватопедские монахи, однако, долго тому противились. Они предвидели большие убытки в случае ухода сербов. Но после настоятельных просьб Симеона и под нажимом прота они уступили. Игумен сказал своим: «Мы приняли от них многие богатые дары, не будем же теперь отталкивать их. Если мы отдадим им Хилендар, зависящий от Ватопеда, они навсегда останутся нашими друзьями».

Как только ватопедский игумен и прот подписали разрешение, Симеон и Савва наняли зодчих, строителей и художников.

Храм, гостиничные корпуса и братские келии выстроили за весьма краткое время — ибо серебро и золото обильно поступало от великого короля Стефана, очень обрадовавшегося устремлениям отца и брата. Когда все работы были завершены, Савва переселил отца в Хилендар.

Многие сербские монахи, рассеянные по кельям, пещерам и монастырям, собрались в сербской обители. Приняли иночество также дворяне и слуги, прибывшие с Симеоном. Число братии быстро возросло. Савва, посоветовавшись с отцом, поставил настоятелем достойного иеромонаха Мефодия. Так первый раз за долгую историю Святой Горы сербский народ приобрел свой величественный монастырь среди других обителей православных народов.

Чтобы сделать Хилендар как можно более независимым, Савва начал покупать брошенные земли. От прота он получил многие опустевшие келии с оливковыми рощами, садами и виноградниками в окрестностях

Хилендара. Затем выкупил несколько меньших монастырей, имевших крупные земельные участки в Милее и Карее.

Симеон был более чем доволен тем, чего за столь недолгое время достиг Савва. Старец радовался, что теперь может спокойно ожидать конца жизни в собственном сербском доме, хотя и на чужой земле. Он видел в Хилендаре будущую сербскую святыню и национальное сокровище. Но для того, чтобы Хилендар стал полностью независимым сербским монастырем, нужно было получить разрешение светских властей. И Симеон отправил Савву в Константинополь к своему другу, императору Алексию Ангелу.

Глава 11

Успешная миссия

Хотя Византийская империя переживала в те времена упадок, ее столица на Босфоре, как и всегда, блистала баснословною красотой. Между тем и здесь, как и везде, к сожалению, величественная цивилизация была подорвана нехваткой человеческих характеров. Достоин сожаления факт, что человек с большей легкостью совершенствует вещи, а не себя. Свидетельством тому — любая высокоразвитая цивилизация: чем выше достижения цивилизации, тем ниже уровень моральных ценностей.

Упадок Византии начался после смерти Мануила Комнина в 1180 году и быстро нарастал. Династию Комнинов сменила династия Ангелов. Однако империи нужна была

не смена династии — ей не доставало великих и благородных характеров.

В царствующей столице Савву и Симеона принимали как родственников царя, потому что Евдокия, дочь тогдашнего императора Алексия Ангела, была женою великого жупана Стефана, брата Саввы. Посему второй Саввин приезд вызвал огромный интерес во всех слоях общества.

Император Алексей был весьма любезным человеком. Он принял Савву с большой симпатией. И императора, и прочих людей, с которыми соприкасался Савва, восхищали его благородное поведение, свойственное только принцу, и очевидная духовность человека Божия. Первый вопрос, который царь после обычного приветствия задал Савве, был: «Жив ли еще святой старец, твой отец и мой друг?» Затем Алексей глубоко вздохнул и продолжил: «Он муж, Богом благословленный. Победив земное, ныне он трудится, дабы приобрести и небесное».

Человек, как правило, или почитает великих, или завидует им. Алексей, более всего любивший весело проводить время с друзьями, искренне ценил Савву и Симеона. Он вздохнул потому, что не мог подражать им.

Савва передал царю письмо от Симеона — оно произвело на Алексея огромное впечатление.

Что просили Савва и Симеон? Во-первых, засвидетельствовать покупку Хилендаром земли у Ватопеда. Во-вторых, утвердить, что Хилендар всегда пребудет независимым сербским монастырем. И третье, дать свой царский скипетр, дабы он хранился в Хилендаре как знак присутствия царя. Когда будут избирать нового настоятеля, ему передадут скипетр, как символ полной и неоспоримой власти.

Царь Алексей без колебаний исполнил все, о чем просил Савва. Он подготовил указ на пергаменте со своею золотой печатью и подписью. Вместе с ним он вручил Савве и

царский скипетр, символизировавший царскую власть. Этот документ и скипетр и ныне хранятся в Хилендаре.

Во время пребывания в Константинополе Савва жил в обители Пресвятой Богородицы Евергетиды (Благодетельницы). Он и его отец были ктиторами сего монастыря. Они обновили его, воздвигнув из руин, и поддерживали своими вкладами. По этой причине сербские монахи чувствовали себя здесь, как дома. Савва продолжать жить по монастырскому уставу, днем ходил в великую церковь Святой Софии, Влахернскую церковь и другие прославленные храмы и к находившимся в Царьграде гробницам христианских мучеников. Кроме того, он часто бывал при дворе для беседы с императором.

Царь и царица с интересом расспрашивали о жизни своей дочери Евдокии и зятя Стефана, императорскую чету также интересовала духовная жизнь Сербии. При последней их встрече Алексей сказал Савве: «Отче, я исполнил все твои просьбы, а ныне прошу

тебя поминать нас в молитвах ко Господу». С этими словами царь передал своему гостю сундук с золотыми монетами. Савва простился с Алексием, а затем нанес прощальный визит вселенскому патриарху.

По возвращении в Евергетидский монастырь с Саввою произошло необыкновенное событие. Когда он наделял бедных милостыней, пред ним предстала некая неведомая жена и изрекла: «Человек Божий, Пресвятая Матерь повелела открыть тебе одну тайну, которая поможет тебе в трудах твоих. На Святой Горе близ твоего монастыря зарыты два сосуда с дукатами. Ищи и обрящешь их. Употреби богатство во славу Божию». Указав место клада, таинственная жена исчезла, а Савва, дивясь, долго пребывал в размышлении.

Возвратившись на Афон, он счастливый, поцеловал руки своему отцу и поведал ему обо всем. Он показал Симеону царский скипетр и пергамент с указом, по которому они получали все, что просили для Хилен-

дара. Симеон остался чрезвычайно доволен. Он тут же написал письмо Стефану, извещая его о сделанном и поручая Хилендар его покровительству, после чего лег на соломенный тюфяк с камнем в возглавии вместо подушки.

Симеон чувствовал приближение своей кончины.

Глава 12

Смерть Симеона

6 февраля, лежа на жесткой постели на полу, Симеон попросил о святом причастии. Так он причащался каждое утро в течение семи дней, только тем поддерживая свою жизнь. Пищи он не принимал.

Савва с безграничной любовью денно и нощно служил своему отцу. Наконец Симеон сказал: «Пришел час нашего расставания». Он дал Савве последние наказы, связанные с монастырем и со своим погребением. Он желал, чтобы тело его, если возможно, было перенесено в Сербию, в гробницу, которую он за несколько лет до того приготовил себе в Студенице. И еще просил он Савву не забывать его в своих молитвах. «Знаю я, сын мой: чего ты попросишь у Бога,

даст тебе Бог. Ныне моей душе нужнее всего твои молитвы».

Весь в слезах, Савва просил своего отца молиться в мире ином за свой народ и храмы, им воздвигнутые. После того он упал на колени, испрашивая у отца прощения и благословения. Симеон возложил руки на главу сына и сказал: «О, благословение мое, будь благословен!»

Затем вся братия собралась вокруг смертного одра своего благодетеля, дабы получить прощение и благословение. По древней православной традиции близкие приходят проститься с умирающим. Они говорят:

— Прости меня.

Умирающий отвечает:

— Бог простит, и я прощаю. Прости и ты меня.

— Благослови меня, и пусть Бог тебя благословит.

— Бог тебя благословит, и я благословляю.

— Молись обо мне.

— Молись и ты обо мне.

Когда в храме заканчивалась утренняя, Симеон неожиданно воспел: «Свят Господь Бог наш. Всякое дыхание да хвалит Господа». С этими словами блаженный старец предал свой дух Богу.

Весть о смерти Симеона быстро разнеслась по всей Святой Горе и собрала в Хилендар великое множество монахов. Отпевание совершал прот в сослужении иноков разных национальностей. Похоронили покойного в Большом хилендарском храме.

Так 13 февраля 1199 года умер смиренный монах Симеон — бывший великий жупан Сербии Стефан Неманя. Умер он на чужой земле, но в своем сербском монастыре.

Симеон и Савва явили миру величайший пример родительской и сыновней любви. По библейскому изречению: «Вместо отец твоих была сынове твои» (Пс. 44, 17), — родной сын стал духовным отцом своему земному родителю.

Когда улеглись хлопоты, связанные с болезнью и похоронами отца, Савве вспомни-

лась вдруг странная женщина, говорившая о скрытом близ Хилендара богатстве. Немедля призвал он одного из учеников своих, и, придя на указанное место, они начали раскопки.

Стоило им только начать, как заступ ударился о два металлических сосуда, полных золота. Возблагодарив Бога, Савва взял сокровище и разделил его на три части. Одну послал в Евергетидский монастырь в Константинополе, вторую оставил для Хилендара, а прочее отправил бедным святогорским монастырям, пустынникам и отшельникам, живущим в уединенных келиях. Все это, и много больше того, совершал он за упокой души своего отца.

Весть о смерти Симеона исполнила глубокой скорби сердце великого жупана Стефана: он отправил Савве большую сумму денег для раздачи за упокой души их родителя. Савва передал средства трем известным афонским монастырям: Каракалу, Ксиропотаму и Филофею.

Каракал сильно задолжал Лавре. Братия Каракала, не имея возможности заплатить, просила братию Лавры помиловать их и не лишать самостоятельности. Лаврская братия, однако, повела себя не по-братски, взяла Каракал в свою собственность, а настоятеля и насельников выгнала вон. Бессильные перед лицом беды, монахи из Каракала обратились за помощью к Савве. Услышав об их скорби, Савва был горько уязвлен несправедливостью, учиненной христианами по отношению к ближним своим. Он немедленно выплатил Лавре весь долг, и тем возвратил Каракалу свободу и независимость.

Ксиропотам находился вблизи пристани Дафни и был весьма плохо защищен от грабителей с моря. Разбойники и пираты часто нападали на него и в конце концов разорили. Савва, к которому братия обратилась за помощью, обновил их прекрасный монастырь с окружающими его строениями, выкупил отнятое у него имущество и оплатил роспись храма Сорока мучеников Севастийских.

Почтенный христианин по имени Филофей начал строить на Афоне новый большой монастырь, но из-за нехватки средств вынужден был приостановить работы. Савва отправился посмотреть на сделанное, поправил план и дал этому благочестивому человеку достаточную сумму денег; так что монастырь был быстро достроен. Обитель сия, именуемая Филофей, существует доныне.

Все три монастыря благодаря Саввиной щедрости были в дальнейшем весьма благополучны. И все три внесли его в списки своих основателей.

Все это Савва делал не из тщеславия, но из любви ко Христу и в память об отце своем Симеоне.

Глава 13

Дом тишины

Напомним, как Савва основал уникальный центр духовного подвижничества и молитвы в Карее, столице Святой Горы, по-сербски он назывался испосница, то есть дом тишины.

Смерть отца, возможно, ускорила уход Саввы из мира в затвор, но не была его причиной. Савву никогда не оставляло стремление к уединенной отшельнической жизни. Именно это желание и привело его на Афон. Оно особенно разгорелось в нем после встреч с истинными пустынножителями, обитавшими в каливах, пещерах и ущельях Святой Горы. Не волнуемые миром, не рассеянные в мыслях, беспопечительные о своей телесной жизни, они были свободны как птицы. Они

были наедине с Богом и обладали дивной уверенностью: «Единого Бога довольно». «Вот путь к святости», — подумал Савва, впервые посетив их.

Возвратившись в Ватопед, он просил игумена позволить и ему стать отшельником. Тогда сербскому подвижнику было всего семнадцать лет. Для опытного игумена эта просьба была не нова. Так всегда происходило и происходит с молодыми, воодушевленными новоначальными. Они желают немедленного уединения, ибо полагают, что жизнь с людьми в монастыре мешает их прямому общению с Богом. Они недостаточно знакомы с бранью, которую пустынники ведут против злых духов, препятствующих богообщению. Потому-то игумен тогда решительно отказал Савве в его просьбе об уходе из обители. Он объяснил, что для инок Саввиного возраста опасно в одиночку сражаться с князем тьмы: это может привести к разочарованию и отчаянию, и даже к психическому расстройству, как с некоторыми и случалось.

Между тем, теперь Савва был уже зрелым тридцатилетним мужем, достаточно искусным духовно. Он выстроил в Карее небольшой дом с красивым домовым храмом, посвященным тезоименитому ему святому — прп. Савве Освященному. Здесь, в тесной и темной келии, он предавался самым высоким подвигам, о которых когда-либо слышал.

Аскетической жизнью, со всею строгостью проводимой, Савва без милости бичевал свое тело и душу. День и ночь в тиши своей келии он глубоко размышлял о каждом изречении Евангелия. По временам он совершал поклоны, все свои молитвы растворяя слезами. Спал он на голой земле, постился же на грани голода, умерщвляя всякую телесную похоть и препятствуя мыслям удаляться от Бога. Он всеми силами трудился, чтобы посредством умной молитвы нераздельно прилепиться ко Христу. Единому Богу известно, как еще он подвизался, чтобы очистить свою душу и соделать ее летящею к небу стрелой.

Распятый без креста, он настолько изнурил свою плоть, что, как принято говорить, у него «живот прилип к спине». Из-за чего приобрел болезнь печени, которую так и не смог излечить, а потому вынужден был воздерживаться от сладкой и жирной пищи. Однако он был благодарен Богу, ибо болезнь помогла ему быть умеренным во всем и стяжать то, чего он желал более всего: сердце, озаренное небом, и неизреченный душевный мир.

Были Савве также прекрасные видения из небесного мира. Так, однажды он видел своего отца в свете и славе, и Симеон сказал ему: «Ты будешь увенчан двумя венцами: одним — преподобническим, а другим — апостольским; и оба мы будем наслаждаться радостью небесного блаженства». Явление это он воспринял как знак пойти в Хилендар, к месту погребения своего блаженного отца, для годового поминовения.

Савва, творя в жизни добро, всегда хотел, чтобы оно было долговечным и служило спасению других. Как сам он подражал величай-

шим мужам духовным, так и другим желал идти сим путем. Потому он постарался, чтобы его Дом тишины стал местом постоянной молитвы, связанным с Хилсндаром, но все-таки независимым.

Святой составил устав для этой келии, то есть для тех хилсндарцев, которые будут в ней жить. Эти правила он написал своею рукой на пергаменте и подписал: «Недостойнейший среди грешников, Савва». Устав сохранился и называется Карейский типик. Поскольку текст сего устава довольно краток, Савва вырезал его на мраморной плите над входом в испосницу, где он и ныне находится.

Главные предписания Карейского типика следующие. В испоснице будут постоянно жить два-три брата из Хилсндара. Эта келия должна быть полностью независимой как от прота, так и от хилсндарского настоятеля. Насельники испосницы обязаны исполнять особое молитвенное правило и держать особый пост, а именно: им позволено вкушать

пищу единожды в день (за исключением субботы и воскресенья), а в среду и пятницу — без ел^я. За ночь они должны прочитывать всю Псалтырь, каноны Христу и святому дня, а также Акафист Пресвятой Богородице. Хилендар обязан обеспечивать братию испосницы одеждой и пищей.

Этот дом тишины единственный в своем роде не только для Святой Горы, но и для всего православного мира. Афонские монахи особо почитают это место, с уважением и восхищением относятся к его насельникам. Как видим, устав его весьма строг, но мягче того, по которому жил здесь сам святой Савва. Великий строитель видимых храмов в то же время явил себя и искуснейшим устройтелем души человеческой — невидимого храма Святого Духа.

Глава 14

Бог прославляет святого

После видения, в котором предстал усопший отец, Савва, исполненный страха и радости, вернулся из испосницы в Хилендар. Пригласил прота, настоятелей всех монастырей, известнейших афонских духовников, и при большом стечении народа отслужили годовую панихиду по Симеону.

После вечери в большой трапезной все пожелали отправиться на покой. Савва, однако, попросил прота, чтобы тот начал всенощное бдение в затворенном храме, а сам отправился в пирг, помолиться на родном языке. И еще попросил позвать его в храм, когда случится знамение от Симеона. Твердо уверенный в том, что Бог услышит его молитвы и явит другим славу Симеона, тайно откры-

тую ему одному в испоснице. Савва хотел, чтобы не сербы, а иноземцы были свидетелями откровения и первыми о нем возвестили.

Прот не понял значения Саввиных слов, но все-таки послушал его и начал богослужение, а Савва ушел в свою келию и молился всю ночь. На заре, когда священнослужители торжественно воспевали: «Слава в вышних Богу...» — произошло чудо: тело преподобного Симеона начало мироточить, наполняя весь храм благоуханием. Удивление прота при виде этого чуда Божия было ничуть не меньше Саввиной уверенности, что Господь сие сотворит. «Творит Господь волю любящих его!» — воскликнул прот и немедленно послал за Саввой. Придя, Савва пал на гроб и, славя Бога, заплакал.

Когда прошло первое чувство удивления, все возрадовались тому, что Бог, по Своей безмерной милости, сделал одного из них, смиренного монаха, великим святым. Так печальная заупокойная служба претворилась в радостное благодарение Бога, даровавшего

Афону и всему православному миру нового заступника.

Собрав в скляницу благоуханное миро, Савва послал ее своему брату, великому жупану Стефану.

Проту Дометию Савва полюбился как величайший подвижник молитвы. Прот часто убеждал его принять священнический сан, но Савва всегда отказывался, говоря, что не достоин столь великой чести, на что прот отвечал: «Дал бы Господь и мне быть таким недостойным». Наконец, к радости отца Дометия, Савва уступил.

Для совершения хиротонии был приглашен из Ерисоса епископ Николай. Прибывший в Хилендар архипастырь рукоположил Савву сначала в иеродиакона, а на следующий день — в иеромонаха. Савва принял этот сан, когда ему исполнилось тридцать, как и предписывают древние каноны Церкви.

Вскоре молодой иеромонах по делам Хилендара отправился в Фессалоники. Этот прекрасный город мог соперничать с Кон-

стантинополем многочисленными шедеврами византийской живописи и архитектуры, знаменитыми храмами, гробницами многих святых во главе с прославленным покровителем города Димитрием Солунским.

В Фессалониках существовал монастырь Филокалис, в коем еще до святого Саввы жили сербские инок. Историей отмечено, что они приняли видное участие в обороне города от пиратов-кочевников из Сицилии в 1185 году, прежде нежели Савва прибыл на Святую Гору. Савва обновил эту обитель, богато одарил ее и, приезжая в Фессалоники, всегда останавливался здесь, как, впрочем, и все хилендарские монахи.

Прибыв в город, Савва посетил фессалоникского митрополита Константина, у которого вновь встретил хиротонисавшего его епископа Николая.

Епископ с воодушевлением рассказывал митрополиту о новом сербском монастыре на Афоне, хваля Симеона и Савву как истинных людей Божиих; говорил о чудотворных

мощах первого и о трудах и благотворении второго. Митрополит смотрел на молодого иеромонаха с уважением и большой симпатией. Он предложил Савве сослужить ему в кафедральном соборе, на что Савва с радостью согласился. На литургии митрополит возвел Савву в сан архимандрита.

Глава 15

Брат против брата

Существует здравый общественный принцип, приносящий людям мир и счастье. Он выражен в словах святого апостола Павла: «Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте» (Рим. 12, 10). Симеон и Савва строго придерживались этого правила. Симеон считал Савву большим себя. Оба они делали все возможное, чтобы на пути спасения сделать другого большим и славнейшим себя. На сем позитивном и евангельском правиле издревле утверждалась Святая Гора.

В противоположность этому, существует и антиобщественный, Каинов принцип себялюбия и тщеславия, неизбежно ввергающий

общество, семью, нацию или империю в смуту, зло и беду. Такое злосчастное непонимание возникло и возросло между правившими в Сербии братьями после смерти их отца, преподобного Симеона.

Вина, конечно, лежит на Вукане. Пока его отец и брат на Афоне прилагали сверхчеловеческие усилия, чтобы спасти свои души, он делал все возможное, чтобы погубить свою.

Недовольный подчиненным положением с того самого дня, как отец в Расе наименовал его младшего брата великим жупаном, Вукан задумал коварную месть. Его жена, римокатоличка, способствовала ему в его окаянных замыслах.

Вукан, однако, боялся восстать против Стефана при жизни отца, хотя Симеон был всего лишь иноком. Вероятно, Вукан хорошо помнил, что сделал болгарский царь Борис, ставший монахом, со своим наследником Владимиром, когда последний возвратился к язычеству. Препоясавшись поверх рясы мечом, Борис поспешил в столицу, ослепил сы-

на и вверх его в темницу. Затем, восстановив в государстве порядок, вернулся в монастырь. Вукан боялся подобной участи и потому выжидал.

Но как только отец преставился, он напал на Стефана. Несколько раз великий жупан отбивал его нападения, но Вукан набирал новую армию и в конце концов с помощью венгров одолел брата.

Одержав победу и изгнав Стефана из страны, Вукан пожелал венчаться как король. Он попросил корону у папы, который тогда единолично распоряжался арсеналом королевских венцов, и поклялся в верности папской церкви. Папа послал ему корону через венгерского архиепископа Калокия с требованием обратить всех сербов в католическую веру.

С планами Вукана не согласился венгерский король Имре, который, хоть и являлся его союзником в борьбе со Стефаном, однако сам претендовал на титул короля сербов. Он не пустил папского легата к Вукану.

Но тут, словно в наказание, Имре получил точно такую же братоубийственную войну: брат Андрияш собрал войско, разгромил Имре и занял венгерский трон. Стефан, увидевший, что Венгрия ослаблена междоусобицами, выступил против Вукана и, отбросив его до самого Адриатического побережья, возвратил себе престол и все земли. Произошло это в 1204 году.

В те времена столкновения между братьями за престолонаследие случались повсеместно. Хуже всего было в Византии, где братоубийства в конце концов привели империю под ярем жесточайшего из завоевателей Константинополя — латинских крестоносцев четвертого крестового похода.

За двадцать лет в Византии сменились шесть императоров, и ни один из них не умер естественной смертью. Народ хотя и ожидал наказания Божия за все сие, но не от христиан Европы, а от неверных турок из Азии. Однако страшный удар последовал с Запада. Началось бедствие во время правления царя

Алексия III Ангела — тестя великого жупана Стефана, и продолжалось во время кратких царствований его преемников: Алексия IV Ангела и Алексия V Дуки.

После безуспешного сопротивления Алексея III бежал, Алексея IV латиняне задушили, а неустрашимый борец Алексей Дука был взят ими в плен и сброшен с башни высотой в сто пятьдесят футов.

За первый день оккупации Константинополя эти (к прискорбию, крещенные) люди уничтожили четыре тысячи христиан, хотя якобы намеревались спасти христиан от исламского террора.

Крестоносцы заняли святой город, опустошили храм Святой Софии и другие церкви, не оставив ни одного золотого сосуда, креста, облачения, иконы или лампы. Их священники вывозили ковчеги со святыми мощами, чтобы отправить в Рим. Были разграблены правительственные здания, музеи, дома горожан. В храме Святой Софии на патриарший престол поставили уличную про-

ститутку и, надев на нее патриаршие облачения, велели петь непристойные песни. Впоследствии папа Иннокентий заменит ее на латинского архиепископа.

Историки свидетельствовали, что французы вели себя несравненно омерзительнее сарацин. Ибо неверные, покорив город, проявляли по крайней мере уважение к храмам.

Ввиду тяжких обстоятельств Вукан и Стефан пожелали примириться. Они попросили своего младшего брата Савву умилосердиться и приехать с мощами их отца, дабы восстановить мир в Сербии.

Между тем озверевшие крестоносцы, лишенные какого бы то ни было благоговения пред Богом и Его святынями, часто совершали разбойничьи набеги на Святую Гору, разоряли монастыри, грабили и убивали. В то время именно они представляли главную угрозу для спокойствия и независимости Афона. Освобождение Святой Земли было для этих людей лишь красивым предлогом: на самом деле они попросту губили свои души в поисках золота.

В то время в Хилендаре было уже две сотни насельников. Савва размышлял и колебался. И оставлять монахов ему не хотелось: из страха перед крестоносцами они могли разбежаться. И братья призывали на помощь, ведь мир в Сербии был так ненадежен и хрупок.

Чтобы вымолить у Бога совет, он поспешил в испосницу.

Глава 16

Миротворец

Савва решил возвратиться в Сербию. Он сделал это с тяжелым сердцем. Минуло двадцать лет, как он оставил все и обрел духовный мир на Святой Горе. Хотя она была чужой землей, но сердцем он прилепился к ней более, нежели к земле своих предков. Однако Савва старался угождать не себе, а Богу. Держа в уме слова Христовы: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5, 9), и данное отцу обещание перенести его тело в Сербию, он собрал силы, чтобы снова войти в бурное житейское море. Полагая, что ненадолго.

Когда отворили гробницу Симеона, то, спустя восемь лет после смерти, обрели его тело целым, не тронутым тлением. Савва

пригласил нескольких известнейших отцов Святой Горы поехать с ним. Взяв раку с мощами, они отправились в трудный и долгий путь — в Сербию.

Извещенный о сем, великий жупан Стефан прибыл на греческую границу встретить Савву. Великого жупана сопровождали его сыновья, епископ, священнослужители, дворяне и вельможи. Братья обнялись нежно и со слезами. Затем Стефан положил поклон пред Саввою и пред ракой своего отца, а также пред сопровождавшими Савву почетными лицами, поцеловал гостям руки и испросил благословения. Гвардия великого жупана последовала примеру своего государя. Святогорские отцы, привыкшие видеть смирение только в своей среде, были удивлены, узрев то же смирение у светских вельмож. Поэтому они с первой же встречи полюбили Стефана, старшего брата их путеводителя Саввы.

После недолгого отдыха начался крестный ход в сопровождении священнослужителей, с духовными песнопениями, при непрестанном

колокольном звоне и каждении. К шествию присоединялся народ, певший от радости. Ибо их прежний могущественный государь и правитель Неманя, при котором они наслаждались миром и благоденствием, ныне возвращался к ним как святой, дабы защитить их, лишенных покоя и обнищавших из-за несогласия и столкновений между братьями. Все теперь исполнились надеждою и ожиданием блага. Хотя великий старец был мертв телом, но, как святой, он был жив и более силен ныне, чем в то время, когда их оставил. Святые всегда сильнее королей и царей. Кроме того, тут был и его прекрасный сын Савва, о святой жизни и самозабвенных трудах коего в сербском народе уже ходили легенды; так что не знали, кем больше восхищаться и кому оказать большее почтение, отцу или сыну. Оба возвращались на землю Сербии как Божие благословение и бесценное сокровище.

У врат Студеницы процессию встретило духовенство во главе с игуменом Дионисием, поставленным на эту должность еще Нема-

ней. После заупокойной литургии прославленное тело преподобного Симеона было положено в мраморную гробницу, которую он приготовил еще при жизни во время строительства Студеницы. Принц Вукан со своими сыновьями и внуками также присутствовал при этом. Он приветствовал Савву с великим уважением, не как брата, но как духовного отца и господина.

Немного отдохнув, Савва начал ежедневное служение Божественных литургий, на которых усердно молился об умножении любви между братьями. На каждой службе он произносил проповеди, предостерегая, назидая, поучая и утешая великих и малых.

В богослужениях Савве помогали отцы-святогорцы. Они были восхищены величием и красотой мраморного храма Студеницы и растроганы любезностью и гостеприимством сербских монахов и народа. По желанию Саввы они при всяком удобном случае беседовали с сербскими иноками о святом жительстве, ведущем ко спасению и жизни вечной.

В это время Савва беседовал со своими братьями, Стефаном и Вуканом. Слушая угодника Божия, Вукан стыдился, ибо согрешил он, нарушив отчий завет. Он уверял, что бунт произошел не по его желанию, но по наговорам его вельмож. Таким образом прекратилась вражда между братьями, которые продолжили свою жизнь во взаимной любви, так что и народ сохранил их в памяти как примиренных братьев.

Восстановленный мир еще более укрепился в день памяти преподобного Симеона, когда его мощи снова замироточили здесь, в Студенице, как некогда в Хилендаре. То был плод непрерывных Саввиных молитв. Благоухание наполнило Большой храм. Народ был поражен, а святогорские монахи принялись славить Бога, как в Хилендаре, когда это чудо произошло впервые. Люди в страхе падали ниц. Стефан и Вукан со слезами обняли друг друга. Тут же принесли болящих, дабы помазать их святым миром во исцеление. Великое празднование продолжалось

несколько дней, и народ со всех концов Сербии устремлялся увидеть чудо и восхвалить Бога и преподобного Симеона.

После того святогорцы пожелали вернуться домой. И Савва намеревался отправиться с ними, но Стефан умолял его остаться, чтобы восстановить мир и довершить то, что не успел отец. Савва чувствовал себя не в силах противиться мудрому призыву — и афонские монахи, простившись, отправились в обратный путь без него. Великий жупан наделил их богатыми дарами.

Глава 17

Дела и слова

Архимандрит Савва стал настоятелем Студеницы. Преодолевая тоску по Святой Горе, он взялся за работу. Новая среда быстро стала для него родной и близкой.

Прежде всего надо отметить, что Савва удержал в Студенице нескольких почитаемых святогорских отцов, дабы те помогали ему в подготовке новых поколений монахов, переводили книги, писали фрески, иконы. Был введен Хилендарский устав, составлены правила жизни для всех насельников обители, посетителей и гостей. Это была не казарменная дисциплина, а порядок истинно духовной семьи. И вскоре в Студенице собралось большое число послушников как из крестьян, так и из дворян.

Савва наладил монастырское хозяйство и развил производство. Рыбы, меда, вина и скота было довольно для того, чтобы прокормить несколько сотен иноков и тысячи паломников, посетителей и болящих.

Так Студеница стала самой прославленной святыней всей нации. Ничто в мире не может притягивать души человеческие так непреодолимо, как истинная святыня. Народ со всех концов державы устремлялся в Студеницу: молиться Богу, испрашивать прощения грехов и исцеления болезней, видеть монаха-принца Савву, присутствовать на его духоносных литургиях, слышать его слова, принять из его рук святое причастие и благословение, помазаться миром от мощей преподобного Симеона. А многие приходили, чтобы узреть нечто совсем уж необыкновенное: как даже и богатые могут войти в Царствие Небесное.

Савва должен был обеспечить всех приходящих пищей и ночлегом, наряду с пищею духовной, кою носил в себе и давал им. Все

это он исполнял тихо, как монах, и послушно, как раб.

Вокруг монастыря настоятель построил здания для мастерских, а также для размещения богомольцев. Он воздвиг и несколько храмов на холмах и в виноградниках, удаленных от обители, для нужд трудившейся там братии и для местного населения. Так деятельность Саввы распространялась по всей Сербии.

Шел он как сеятель, сеющий доброе семя в душах человеческих. Он проповедовал Евангелие Христово, учил правой вере, правильному духовному деланию — иначе говоря, учил правому пути, ведущему в Царствие Небесное.

Он призывал людей к покаянию, объяснял, что грех является единственной преградой между человеком и Богом, между человеком и его счастьем. Всякого он призывал устранить сие средостение, дабы увидеть свет и насладиться счастьем.

Он учил народ молиться и поститься, очищать себя и быть щедрыми. Он подчер-

кивал важность крещения, святого причастия и прочих великих таинств, необходимых для очищения, насыщения и укрепления души и тела. Он предостерегал против еретиков-богомилов, устранивших эти святые таинства, и латинян, совершающих их не по-евангельски.

Он заменил некоторые языческие обычаи прекрасными христианскими, распространил законы и предписания Православной Церкви, излагал святоотеческое учение и приводил в пример дивные жития мучеников и других угодников Христовых. Он описывал народу жизнь афонских монахов и их вышеестественные труды ради спасения души и стяжания любви Христовой. Он никогда не упускал случая упомянуть об отце своем, преподобном Симеоне, и о явленном чрез него чуде Божиим. И повсюду он продолжал возводить храмы.

В Савве народ почувствовал своего настоящего, истинного друга и пастыря. Люди слушались его и следовали за ним безогово-

рочно, ибо видели: Савва живет так, как проповедует. Его любили за смирение и искренность. Он приходил к простым людям как свой, но обладал при этом поистине апостольским авторитетом. Более того, Бог наделил его, посланника Своего, даром чудотворения, и молитва Саввы исцеляла болящих.

На земле Сербской, исполненной тьмы, неведения и смуты, явился великий светильник.

Глава 18

Еще одна испосница

Если вы хотите увидеть самое удивительное место, принадлежащее Студенице, но находящееся за ее пределами, вам нужно отправиться на север от обители вдоль быстрой говорливой реки Студеницы. Слева вы увидите родник и каменоломню, откуда Неманя добывал белый мрамор для строительства Большого храма. После часа ходьбы надо будет перейти реку по узкому деревянному мосту, повернуть налево и начать подниматься в гору.

Так вы попадете на границу монастырских земель, где растет замечательный лес, густой и красивый. Еще час идите по лесу, пока перед вами не откроется дивная зеленая долина. Перейдете маленький серебристый ручеек — и вот вы в нижней испоснице.

Поднимаясь выше, вы вскоре окажетесь на краю пропасти. Справа — высокая стена гладкой скалы, в которой высечен проход, в некоторых местах — не шире полуметра. Слева — почти вертикальный склон, покрытый камнями величиною с хижину, которые разбросаны в беспорядке, словно их швыряли боровшиеся друг с другом великаны. На дне этого фантастического ущелья, уже не журча, а гремя, течет Студеница. В конце концов вы достигнете узкого полукруглого отверстия, где некогда была испосница святого Саввы. Будто ласточкино гнездо, лепилась к скале конструкция из дубовых балок. Ниже — колодец, называемый кадочкой, с весьма незначительным запасом воды.

Кто и когда мог бы представить, что королевский сын эту страшную скалу предпочтет дворцу? Савва избрал место сие для молитвенного уединения, как некогда испосницу в Карее, и приходил сюда, даже когда стал архиепископом.

Он слишком подолгу находился среди людей: путешествуя, проповедуя, выслушивая, исправляя, трудясь. Нужно было восстанавливать духовные силы, и он уходил в испосницу, где мог достичь непосредственного, не отвлекаемого соприкосновения с Богом. Он пренебрегал своим телом, дабы дух господствовал над ним.

Саввина любовь ко Христу подвигала его к уединению. И что он делал в своем уединении, одному Богу известно. Можно предположить, что он искал того же, что и в своей первой испоснице в Карее. Иными словами, он трудился, дабы заменить свою жизнь и свои мысли Христовыми, следуя словам апостола: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20). Иметь Христову любовь, творить волю Христову — это и было главным стремлением отцов-пустынников. Думается, это было и Саввиною целью в его испоснице.

Едва ли он мог проводить в затворе все посты, как делали великие аскеты: он обязан был трудиться среди народа и на благо

народа. Но, конечно, при всякой возможности он приходил сюда. Проведя в испоснице некоторое время, Савва обычно возвращался в Студеницу словно возрожденный, дабы своим присутствием обрадовать и укрепить всю братию. Затем он снова отправлялся в путешествия по стране: проповедовать, учить и строить.

В Савве в полной гармонии соединились Восток и Запад. Он, как восточный человек, был склонен к глубоким раздумьям и при том энергичен в своей деятельности, как западный. Однако в основе этих талантов лежала великая духовная сила.

Еще одним плодом Саввиных размышлений в испоснице явились некоторые далеко идущие планы. Он не спешил открывать их даже самым близким людям. Как-то раз Савва предложил великому жупану Стефану воздвигнуть новую обитель в местности, именуемой Жича. Стефан, убежденный доводами брата, охотно согласился выстроить собственный монастырь.

Глава 19

Победа без меча

Главным желанием Саввы было озарить свой народ правой верой и спасти его от неведения и греха. Кроме того, ему случалось носить тяготы брата, великого жупана.

В то время правители весьма легко сменяли дружбу враждою. Однажды весьма серьезная опасность поставила под вопрос само существование Сербского государства. Некий принц Стрез, угрожал Сербии вооруженным нападением. Все очи устремлялись на Савву с надеждою, что святитель отклонит эту беду. И действительно, он один отправился навстречу разъяренной вражеской армии, чтобы остановить ее своим пастырским словом.

Кто был этот Стрез? Родственник и вассал болгарского царя Калояна. Воеводство Стре-

за находилось на юго-восток от Вардара. Был он человеком тщеславным и в высокомерии своем не считался ни с разумом, ни с честью. Однако при жизни грозного короля Калояна Стрез не решался предпринимать активных действий. Калоян был одним из самых воинственных властителей Болгарии (1196-1207). Он поклялся в верности папе, от которого принял королевский венец и хоругвь, но, несмотря на это, вступил в войну против латинян. Выиграв битву у Адрианополя (1205), Калоян взял в плен короля и убил его весьма жестоким образом. Когда папа потребовал освобождения короля, Калоян ответил, что не нашел того среди пленных.

Между тем, когда Калоян погиб при осаде Фессалоник, Стрез тут же восстал против его племянника и наследника Борило. В результате быстрого и неожиданного удара мятежник захватил почти половину Болгарского царства.

Сербский жупан поддерживал Стрезу в его устремлениях. Король Борило неодно-

кратно просил Стефана прекратить помощь восставшему князю. Но великий жупан, вероятно, считал, что Борило является для него более опасным противником, нежели Стрез. Вместо того чтобы пойти навстречу желанию болгарского короля, Стефан заключил союз со Стрезом, беря его как вассала под свою защиту. Оба, держа руки на Священном Писании, поклялись во взаимной верности. Борило был не способен бороться и противостоять им.

В те времена там, где уже ничто не помогало, помогала женитьба. Победенный король Болгарии выдал юную родственницу за латинского императора, став другом и военным союзником латинян. Объединенными силами они напали на Сербию и дошли почти до Ниша. И именно тогда произошел удивительный случай, в корне изменивший всю ситуацию.

Ночью над войсками агрессоров явился в воздухе преподобный Симеон, гневно им угрожавший. Трепеща от страха, армии поспешно отступили в свои уделы.

Спустя некоторое время союзники подкупили Стреза и помогли ему собрать сильное войско для нападения на Сербию. Стефан, извещенный о коварном намерении предателя, послал Стрезу предупреждение, но тот не ответил. Тогда сербы провели мобилизацию для защиты своей страны.

И вот в это тревожное время Савва вызвался лично отправиться к Стрезу, чтобы вразумить его. Получив согласие брата, Савва с несколькими сопровождающими отправился в Просек, резиденцию принца-предателя.

Просек был не город, не село, а узкое ущелье меж высоких скал, по которому протекает река Вардар. На четырехсотметровой скале Стрез воздвиг крепость, в которой и жил. Здесь он проводил разгульную жизнь, предаваясь объедению и пьянству в соответствующем обществе. Любимым развлечением Стреза было издевательство над пленниками. После зверских истязаний людей бросали со скалы в реку, и Стрез кричал вслед не-

счастной жертве: «Не замочи кафтан!» Стефану доводилось слышать об изуверствах своего подопечного, много раз он пытался образумить его, но без успеха.

Вот к такому человеку пришел теперь Савва со словами о мире. Всюду в горах виднелись шатры огромного войска. Стрез, между тем, принял Савву со всею почтительностью и притворным дружелюбием.

Савва прежде всего начал тихо и миролюбиво говорить Стрезу о христианской любви и вере, обетованных нами в крещении; затем о том, что христианские правители должны вести себя честно и искренне по отношению друг к другу. Говорил об ужасах войны, о пролитой с обеих сторон христианской крови, о великом желании Стефана жить в мире со своим восставшим соседом... Но все было напрасно. Чем более Савва увещевал Стрезу, тем более разгневанными становились ближайшие соратники принца. Стрез привык не к дружеским речам, а к лести или клевете. Вероятно, укротитель львов с плеткой в руке

добился бы в разговоре с этим предателем большего успеха, чем Савва.

В конце беседы угодник Христов изменил тон и пригрозил изменнику праведным Божиим наказанием за клятвопреступление и кровопролитие. Но даже эти грозные слова не подействовали на Стреза. Покинув крепость, Савва отправился в свой шатер, располагавшийся вне Просека.

Стояла темная ночь. Савва, как обычно, погрузился в молитву. Невозможное человеку возможно Богу. После полуночи из дворца пришел человек с сообщением о смерти Стреза. Он рассказал, что, умирая, правитель звал Савву на помощь и говорил, что некий юноша, посланный Саввой, пронзил ему сердце мечом. Конечно, все понимали, что это был не посланный Саввою юноша, но ангел Господень.

Наутро, узнав о смерти тирана, воины оставили лагерь.

Савва возвратился домой в печальных раздумьях, ибо, хотя он и спас страну, но не

сумел побудить Стреза к покаянию и спасти его душу. И вот Стефан обнимал брата со слезами радости и благодарности, а Савва скорбел о гибели человеческой души.

После этого Савва обратился к сербскому воинству. Он сказал, что Господь заступничеством Пресвятой Богородицы и преподобного Симеона избавил Сербию от супостата. И что наказан был Стрез за его безумную гордость, за страдания, которые он причинил невинным людям и за его вероломство. А еще Савва призвал сербских воинов служить всемогущему Богу и воевать только тогда, когда речь идет о защите правды Божией: «Никогда не приблизится к вам никакое зло, если вы исполнитесь решимости и готовности творить волю Божию и неизменно будете возлагать упование на Господа».

После того в Сербии, благодаря святому Савве, на долгие годы установился мир. Савва же со Стефаном начали строительство Жичи.

Глава 20

Труженик и чудотворец

Устранив опасность, угрожавшую Сербии, Савва удалился в Студеницу, дабы продолжить свои неустанные труды.

Мирное время Савва употреблял для писания. Он подготовил книгу «Житие преподобного Симеона», имеющую огромную историческую ценность и проникнутую теплой сыновней любовью. Кроме того, он писал послания хилендарским братьям, многочисленные письма священниками и мирянам, вразумляя, исправляя или наставляя. Писал он и сербским принцам в Далмации и Дукле, предупреждая об опасности латинской пропаганды, писал правителям Герцеговины и Боснии, указывая на опасность богомилства, — обе эти

ереси активно подрывали православие на Балканах.

Кроме того, Савва продолжал готовить монахов к миссионерской работе и к приходскому служению. Он собирал по воскресным дням крестьянских мальчиков и учил их чтению, письму и церковному пению. Он путешествовал по стране, вразумляя народ, проповедуя и примиряя. И при всех этих послушаниях он не оставлял строительства Жичи.

Савва изложил Стефану не все причины необходимости строительства нового крупного монастыря, равного Студенице. Можно предположить, что великий жупан устранился бы мысли о Жиче как о резиденции предстоятелей независимой Сербской Церкви, где они будут короновать будущих сербских королей. При всей своей мудрости, благочестии и отваге, Стефан как действующий правитель уклонился бы от таких грандиозных планов, боясь, что они беспокоят соседей Сербии. Савва все это понимал и потому

продолжал действовать с осторожностью, возлагая упование на Бога и на время.

Великому жупану было достаточно и того довода, что неплохо было бы вслед за отцом, воздвигшим Студеницу, оставить потомству еще один духовный оплот. Саму мысль о строительстве нового монастыря Стефан принял без колебаний. Для проведения ее в жизнь он дал Савве средства и предоставил ему полную свободу действий. Тот должен был сам найти место для строительства, составить проект и нанять мастеров.

Савва выбрал возвышенность на правом берегу реки Ибар, в которую впадает Студеница, сам же Ибар впадает в Западную Мораву. Савва строил Жичу с тем же вдохновением, как некогда Хилендар, но уже с гораздо большим опытом. Он собрал лучших ремесленников и мастеров: каменотесов, кузнецов, плотников, резчиков по дереву — из Фессалоник и с греческих островов. Савва хотел сделать лучшее из лучшего. Он лично помогал, где мог, как советами, так и рука-

ми, особенно же своими усердными молитвами. И милостивый Бог отвечал на его молитвы чудесами.

Однажды великий жупан приехал взглянуть на труды своего брата. Случилось там быть и одному расслабленному, коего принесли просить милостыню. Увидев столь беспомощного человека, Савва сжалился. Вместо того чтобы дать ему золота, он взял его на руки и с помощью своих учеников внес в храм (быть может, в небольшую церковь Святых апостолов, на скорую руку выстроенную еще до возведения большого собора).

Савва покрыл болящего своим облачением. Был вечер. Савва остался наедине с расслабленным и, склонившись над ним, молился и плакал до самого утра. Перед рассветом, когда монахи обычно собираются у храма, он воззвал к больному: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа, тебе говорю, чадо мое, встань и ходи!» И тотчас расслабленный встал и пошел. Савва отворил церковные двери и выпустил исцеленного и ра-

достного человека. Иноки и народ дивились, славя Бога.

Весть о чуде быстро, словно пламя, разнеслась по всей стране. Ничто на свете не приводит народ в такое волнение, как чудо. После этого в Жичу отовсюду устремились больные, а Савва продолжал исцелять, молясь, возлагая на них руки и помазывая миром.

Так Господь прославил прославляющего Его и прославил дело рук его. А Жича, благодаря Савве, стала знаменита даже прежде своего завершения.

Глава 21

Одинокчество святого

Существуют два выражения, часто повторяющиеся в духовном делании: «стояние пред Господом» и «взыскание лица Господня». Афонского инок с самого начала учат исполнять эти два правила чрез постоянный личный подвиг. И ни один ревностный монах не желает оставлять Святой Горы, вовсе не потому, что он не любит людей, но потому, что не хочет пренебречь своими правилами, заключающимися в стоянии пред Господом и взыскании лица Господня. Даже те, кого цари и народы принуждали становиться архиепископами и патриархами, противились тому изо всех сил, а если в конце концов и покидали Афон, делали это скорбя и с тяжелым сердцем. Они чувство-

вали то же, что преподобный Арсений Великий, рекший: «Богу ведомо, что я люблю людей, но не могу быть одновременно и с Богом, и с людьми».

Сербский святой целых два десятилетия отвечал отказом на просьбы своих родителей и братьев возвратиться с Афона в Сербию. Лишь когда его вынудили сложные обстоятельства, он решил отправиться на родину, притом только на краткое время, с намерением при первой же возможности вернуться назад. Тем не менее он пробыл в Сербии десять лет.

Хотя все эти годы Савва наполнил чрезвычайно полезными и богоугодными трудами, служа всем, кроме себя самого, печаль о Святой Горе не покидала его. Уединение в Верхней испоснице помогало преодолевать печаль, но не избавляло от нее. Как и все чуткие люди, он чувствовал себя одиноким среди мирской суеты и мог бы повторить слова Псалмопевца: «Чужд бых братии моей, и странен сыновом матери моея» (Пс. 68, 9).

Хорошо известно: величайшие угодники Божии переживали и величайшую внутреннюю брань, во время коей иногда впадали в малодушие, как свидетельствуют о себе даже апостолы (2 Кор. 12, 7-9). В такие моменты муж духовный, осознающий, что люди не могут ему помочь, жаждет уединения. Чем значительнее становились свершения Саввы, чем большее признание он получал, тем все более одиноким себя чувствовал. Мир, казалось, становился преградой между Богом и угодником Божиим. Вспоминая о своем жительстве на Святой Горе, он испытывал отчаяние и смятение. Поэтому принял решение удалиться.

Некоторые из современных историков указывают, что Савва оставил Сербию из-за некоторых серьезных разногласий со своим братом. Дело в том, что Стефан развелся со своей первой женой Евдокией, дочерью императора Алексея Ангела, и из чисто политических соображений женился на Анне, племяннице венецианского дожа Энрике

Дандоло. Эта амбициозная женщина была католичкой и желала, чтобы ее муж стал королем, а сербы приняли католическую веру. Возможно, Венецианская республика, посредничала в деле, которое Анна предложила папе Гонорию III, бывшему в то время монополистом по части королевских корон.

Стефан, несомненно, находился в отчаянном положении, так как против него объединились два римокатолических короля, Энрике Латинский и Андрияш Венгерский, — конечно, не без благословения Рима. В такой опасной ситуации Стефан, приняв план своей супруги, послал делегацию к папе, а сам поспешил лично встретиться с королем Андрияшем, который, вместе с Энрике, уже направил войска против Сербии. Удивительно, но сербскому жупану удалось договориться с венгерским королем, и они даже сдружились. Стефан ничего не уступил и ничего не потерял. Более того, Андрияш обещал подействовать тому, чтобы король Энрике оставил Сербию в покое. Тут папа присылает

Стефану корону римокатолического короля. Но этому венчанию на престол не дано было осуществиться.

Савва всеми силами воспротивился коварному плану своей невестки и не позволил провести его в жизнь. Он встал на защиту православия, как единственного спасительного для сербского народа начала, как залога его свободы. Он сделал то же, что и его отец, из тех же соображений отвергший свое римокатолическое крещение и крестившийся в Православной Церкви.

В древнейших жизнеописаниях святителя Саввы об ухудшении отношений между братьями не говорится ничего. Но вот историки нового времени с большой убедительностью утверждают, что между Саввой и двором его брата произошло острое столкновение, и Савва покинул Сербию.

Перед отъездом он отправился в Рас, чтобы проститься с братом. Стефан, рыдая, просил его остаться. Савва сказал: «Если Бог пожелает, я снова приеду к тебе». Стефан дал

ему денег на нужды и благотворения, сопровождал до границы и в великом унынии вернулся домой.

А Савва тем временем, оставив позади печаль, обрел радость, ибо с радостью его приняли святогорцы. В Хилендаре Савва пробыл недолго. Он осмотрел сделанное в его отсутствие и после молитвы с настоятелем и братией, утешив их и поблагодарив, удалился в Карею, в свой первый дом тишины. Там святой не чувствовал себя одиноким, ибо стоял пред Господом, взыскуя лица Его.

Глава 22

Первопроходец

Размышляя о себе и о своей жизни, Савва в уединении не мог не открыть: «Бог воистину его любит, Он прежде возлюбил нас» (1 Ин. 4, 19). Это осознание, основанное на личном опыте, вело к тому, что душа его возгоралась благодарностью и любовью к Богу. Всю свою любовь он посвятил единому Богу. Однако теперь сосредоточенность и гармонию нарушали воспоминания о Сербии. В тиши испосницы, словно неожиданно повеявший ветерок, откуда-то являлись к нему думы об отечестве, и слышался шепот: «Если ты Меня любишь, помоги Моему сербскому народу. Продолжи помогать ему ради любви ко Мне. Я с тобою».

Не первый раз отшельник имел видения и слышал голоса из мира иного. Савва, искушен-

ный в различении духов, был уверен: сие глаголет Бог, а не лукавый. Быть может, святой тщетно повторял слова Моисеевы: «Для чего ты мучишь раба Твоего? и почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? разве я носил во чреве весь народ сей, и разве я родил его, что говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка, в землю, которую Ты с клятвою обещал отцам его?» (Чис. 11, 11-12). Великие души, случалось, беседовали с Богом весьма дерзновенно. Так и Псалмопевец восклицает: «Востани, вскую спиши, Господи? Воскресни и не отрини до конца» (Пс. 43, 24).

Вольно или невольно, Савва начал анализировать положение в Сербии. Делая это, он чрезвычайно ясно увидел все злые силы, стремившиеся помешать его благому влиянию. Первую угрозу представлял католицизм, вторую — богомильская ересь. Если их вовремя не остановить, то и одной из них будет довольно, чтобы разрушить православное устройство сербского народа.

Папская Церковь уклонилась от христианских догматов, четко сформулированных апостолами и семью Вселенскими соборами. Она включила в Символ веры ошибочное утверждение о Святом Духе, а строгость христианской этики разбавила шаткими моральными доктринами. Она установила безбрачие всех священнослужителей, вопреки тому факту, что апостол Петр и многие апостолы от семидесяти были женатыми людьми. Она вознесла папу как в церковной, так и в светской власти на степень абсолютного диктатора.

Такая полурелигиозная-полувоенная организация не гнушалась никакими средствами для захвата власти. Более тысячи лет желанной целью для пап было привести балканские народы в послушание Риму, крестом ли или мечом. И на протяжении всего этого периода православный сербский народ был первым оплотом борьбы с папской агрессией.

Во времена Саввы православные Балканы были в когтях латинства более, чем когда бы то ни было ранее. Четвертый крестовый по-

ход был благословлен папою не для освобождения Иерусалима, а для порабощения христиан Константинополя. Один римский патриарх был поставлен в столице православного христианства, второй — в Болгарии при Калояне. Были основаны две латинские империи: в Фессалониках и в Элладе. По наущению Ватикана римокатолические короли на Севере часто нападали на Сербию с намерением поработить и окатоличить ее.

Что теперь сможет в одиночку сделать великий жупан? И как долго сербский народ будет в силах противостоять всем этим сверхмощным врагам, не имея сильной, организованной Православной Церкви? У всякой православной нации, кроме сербов, был свой предстоятель. Стефан как светский правитель был одинок, не получал поддержки сильного церковного авторитета. Он один, без сербского архиепископа, без независимой национальной Церкви и национального духовенства, не мог справиться с осуществлявшимся давлением.

Другую опасность — не внешнюю, а внутреннюю — представляла богомильская ересь. Она угрожала существованию не только Церкви, но и государства. Расслабленные в богословии, богомилы были весьма суровы в области морали. По их манихейской теории, Бог сотворил только духовный мир, диавол же — материю, материальные тела и материальный мир. Поэтому все материальные предметы, как сотворенные злым духом, представляют собою зло и, следовательно, от них нужно уклоняться. Богомилы полностью воздерживались от употребления мяса и вина и от брака, отрицали Ветхий Завет и читали только Новый и Псалтырь. Также они отрицали церковную иерархию, крещение, евхаристию и все прочие таинства; не почитали ни святых храмов, ни икон, ни креста, ни мощей; не признавали богослужения, чудес, церковных канонов и законов: все это связано с материей, а стало быть, произошло от диавола. Им, однако, удалось соблазнить народные массы аскетизмом, искони почитаемым на Востоке.

Колыбелью богомилства была Азия. Изгнанные оттуда, эти еретики появились во Фракии и Болгарии. В последней их предводителем был некий священник Богомил, по имени которого получило название все движение. Когда их стали преследовать и в Болгарии, они переместились в Центральную Сербию, а после того как их изгнал Неманя, поселились в Боснии. Там они глубоко пустили корни, реформировав свое учение и организацию: разрешили брак, употребление вина и мяса, начали строить монастыри и проповедовать патриотические идеи.

Одно время богомилы пользовались такой популярностью, что многие принцы Боснии и Герцеговины стали их последователями и покровителями, вместе с многочисленными дворянами и даже некоторыми латинскими епископами. По повелению папы крестоносцы устремились против этих еретиков, подвергая их страшным мучениям, сначала в Боснии, а позднее в Южной Франции (патарены, альбигойцы). Но, вопреки страшным

гонениям, богомилство продержалось несколько веков.

Савва считал, что насилием богомилства не победить: следует действовать убеждениями. Можно предположить, что это был единственный пункт, в котором он не сошелся бы со своим отцом Неманей. Но кто может наставить богомилов и склонить их к возвращению в правую веру? Сербскую Церковь в ту пору возглавляли архиереи, присылаемые из Греции. Савва понял, что для борьбы и с римокатолическим наступлением, и с богомильской ересью его народу нужна хорошо организованная национальная независимая Церковь с архиепископом и образованным духовенством сербского происхождения.

Такие мысли занимали Савву в его испоснице. В той же мере, а может быть, и больше того, Савва был обеспокоен нестроениями в православном мире. Болгария непрестанно колебалась между римско-католической и православной Церквями. Болгарский царь

уже признал власть папы и сам перешел в римокатоличество. В Константинопольской Церкви, вследствие латинской оккупации византийской столицы, было создано три административных центра, а законный патриарх был изгнан в Никею. Православные патриархаты в Азии и Африке находились под властью мусульманских султанов. Церкви в Румынии и на Руси были еще совсем молодыми, неокрепшими.

Видя, в какой ситуации находится Православная Церковь в целом, Савва со скорбью умолял Бога указать ему правый путь к объединению православного мира и к сотрудничеству духовных вождей разделенной Церкви.

Искавший путь и стал первопроходцем на пути сем.

Глава 23

Повесть о чудесных событиях

В христианской Церкви единство святых всегда понималось в универсальном смысле как единство Церкви видимой и невидимой. Святые, живущие в теле, веруют во Христа, а святые, пребывающие в мире ином, являются очевидцами славы Его.

Преподобный Симеон в бытность свою монахом являлся духовным сыном Саввы, однако после своего упокоения и прославления, причтенный ко святым Церкви небесной, он стал для Саввы духовным отцом и защитником его духа.

Первым доказательством небесного прославления Симеона было мироточение его тела, то есть истечение из него цельбоносного елея, который помог многим болящим.

Другим доказательством стали чудеса, которыми преподобный несколько раз спасал сербский народ от злых противников.

Чудесные исцеления больных чрез миро, истекавшее от мощей преподобного Симеона, были многочисленны. Все время, пока Савва жил в Сербии, мироточение не прекращалось. Однако как только Савва покинул свое отечество, произошло то, что было истолковано следующим образом: душа Симеона также оставила Сербию и ушла вместе с Саввою.

Однажды в Хилендар прибыли гонцы от великого жупана. Сначала они в сопровождении монахов отправились в храм, а после молитвы Савва препроводил их в трапезную. «В Сербии все благополучно, и великий жупан вас приветствует», — сказали гости и передали письмо Савве, письмо следующего содержания:

«После того как мы уважили твою просьбу об отъезде, мой государь, наш отец Симеон, отвратил лицо свое от нас. Перестало исте-

кать святое миро. Чудеса исцелений, укреплявшие и утешавшие нас, с тех пор прекратились. Мы много молились, взывая к его родительскому сердцу, но он не восхотел нас услышать. Произошло ли сие потому, что Бог прогневался на нас за грехи наши, или же из-за того, что с нами нет тебя, да очистишь нас от грехов, — мы не ведаем. Посему я, недостойный брат твой, заклинаю тебя: воззри на слезы мои и будь милостив. Приди к нам, возлюбленный Богом и отцом нашим. Приди, чтобы с дерзновением помолиться отцу нашему Симеону: да благоволит он вновь источить миро из святых мощей своих содействием Духа Святого, как и прежде, и тем да укрепит и да обрадует нас, слуг своих».

Против ожидания послов это умиленное воззвание не сильно взволновало Савву, хотя и не оставило его равнодушным. Гонцы добавили еще многое от себя, живописуя скорби великого жупана и недовольство народа. Враги государя повсюду нашептывали, что мироточение от мощей прекратилось из-

за несправедности великого жупана, а не из-за Саввиного отъезда

Савве стала вполне понятна сложившаяся ситуация, и он знал, как наилучшим образом помочь сербскому народу. Посему он сказал гонцам, что в Сербию не поедет, но будет усердно молиться. И написал два письма: одно — своему брату Стефану, а другое — своему отцу Симеону.

Странно это — письмо усопшему. И все же Савва так поступил, потому что сверхъестественное и естественное в сознании человека верующего и сподобившегося видений из мира иного не разделено столь резко, как это бывает у маловерных. Церковная история знает несколько подобных случаев.

В послании преподобному Симеону Савва говорил: «О, угодник Божий, по воле Божией и нашим молитвам презри грехи наши и наше тебе непослушание. Вновь, как прежде, источи святое миро из твоего тела в раке, на радость и утешение твоему народу, ныне в великой скорби пребывающему!» А в письме

брату Савва, утешая и ободряя Стефана, впервые открывал свой гениальный замысел об автокефальной Сербской Церкви. Письма были посланы с хилендарским насельником, почитаемым подвижником иеромонахом Иларионом.

Приехав с гонцами великого жупана в Сербию, Иларион отдал одно из посланий Стефану. «Другое же, — сказал иеромонах, — будет распечатано и прочитано в Студенице». В этой обители Стефан собрал множество своих придворных, министров и военачальников, которых сопровождали толпы народа. Всем не терпелось узнать, что же говорится в полученном от Саввы письме.

После Божественной литургии Иларион с крестным ходом отправился к гробнице Симеона, распечатал Саввино послание и прочел его вслух. Все присутствовавшие трепетали от страха, слушая, как живой человек пишет усопшему.

Когда письмо было прочитано, слышался шорох, подобный журчанию воды. И, чу-

до! Святое миро вновь потекло из гробницы, и не только из гробницы, но и из находящейся над ней фрески с изображением святого. После минутного ужаса и изумления неопишемое ликование наполнило сердца всех присутствующих.

Стефан написал Савве ответное письмо, в котором благодарил брата и поддерживал план создания независимой Сербской Церкви. Великий жупан с честью и дарами отправил отца Илариона на Афон, послав Савве довольно средств для его будущих путешествий.

Глава 24

Савва становится архиепископом

Жизнь сербского святителя показывает, что он мудро планировал и терпеливо осуществлял свои планы. После почти двух лет молитвы и размышлений в святогорской тиши он сел на корабль и с несколькими монахами оплыл из Хилендара на восток, но не в Константинополь, а в Азию. В Константинополе все еще господствовали латинский король и католический патриарх. Православный патриарх и царь жили в Никее, в Азии.

Императором был тогда Феодор Ласкарис, а патриархом — Мануил Сарантен. Феодор не принадлежал ни к одной из византийских династий — он был зятем предыдущего императора Алексия III. Царский венец он

не унаследовал, а заслужил храбростью как воевода при обороне Константинополя от латинян. Феодор сражался, как лев, но в конце концов вынужден был отступить в Азию, где ему пришлось вести войну на два фронта: против латинян и против мусульман.

Однажды Феодор нанес такое сильное поражение войску под командованием Генриха Фландерса, что латиняне никогда более при его жизни не решались переправляться через Красное море. В другой битве он разгромил турок, причем в личном поединке убил султана. После столь величественных побед Феодор Ласкарис в 1206 году был коронован в Никее как византийский император. Он высоко и с честью держал знамя императора Константина Великого, и царствование его уже не омрачалось ничем.

Император весьма обрадовался, увидев Савву, — отчасти потому, что они состояли в дальнем родстве (императрица и супруга Стефана были родные сестры), а еще и потому, что знал о святой жизни Саввы и Симеона. Пат-

риарх Мануил еще больше радовался встрече с легендарным королевичем-монахом. Так что Савва был принят в Никее с почестями.

Несколько дней прошли в богослужениях и беседах. Савва изложил царю и патриарху духовные нужды сербского народа. Он рассказал им о попытках своего отца и брата остановить нападения Рима на православную Сербию, а также о разрушительном действии богомильской ереси.

Святой объяснил, что для противостояния двум этим враждебным силам необходимо как можно скорее укрепить Сербскую Церковь, дав ей собственного архиепископа. Только хорошо организованная и сильная Сербская Церковь будет в состоянии помочь и Болгарской Церкви, которая тогда, к сожалению, подчинилась Риму.

Речь Саввы произвела и на императора, и на патриарха огромное впечатление. Они охотно приняли его предложение как весьма разумное и требующее безотлагательного исполнения и попросили назвать ставленника

для хиротонии. Савва предложил им избрать одного из сопровождавших его хилендарцев, ибо считал их достойными сего высокого и ответственного положения. Но император сказал: «Все сии отцы и братия суть люди честные и святые, но моя душа желает тебя от Бога, ибо жизнь твоя с раннего детства нам всем известна».

Савва попытался убедить славного хозяина в своем недостоинстве, но безуспешно. Сопровождавшие угодника монахи единодушно согласились с царем. И патриарх настаивал на том же. Савва отказывался так долго, что император даже начал негодовать. В конце концов святой уступил: «Да будет воля Божия чрез вас на мне грешном».

И так вселенский патриарх Мануил в сослужении греческих епископов и многочисленного греческого и сербского духовенства, в присутствии императора Феодора и его гражданских и военных начальников хиротонисал архимандрита Савву (Неманича) в первого сербского архиепископа. Это исто-

рическое событие произошло в 1219 году, спустя 894 года после Первого вселенского собора в Никее.

После Саввиного рукоположения царь устроил большой прием для высоких гостей и богато одарил патриарха, епископов и священников, принимавших участие в хиротонии, — настолько восхищала его личность Саввы.

Но затем новопоставленный сербский архиепископ удивил царя и патриарха еще одной просьбой: он хотел, чтобы в будущем сербский архиепископ избирался сербскими епископами. Объясняя свое желание, Савва указал на протяженное расстояние между Сербией и Азией, опасности путешествия и, главное, беспокойное положение в тогдашнем мире.

Как император, так и патриарх были решительно против этого предложения; но, выслушав доводы святителя и уверившись, что он весьма печется о единстве и крепости всей Православной Церкви, согласились.

Патриарх написал грамоту следующего содержания: «Я, Мануил, вселенский патриарх града Константинополя, нового Рима, во имя Господа нашего Иисуса Христа, поставил Савву архиепископом всех сербских земель и дал ему во имя Божие власть рукополагать епископов, священников и диаконов в пределах его земли; вязать и решить грехи людские, учить и крестить во имя Отца и Сына и Святого Духа. Посему все вы, православные христиане, слушайте его, как вы слушали меня».

Приняв грамоту, Савва поблагодарил патриарха и долго беседовал с ним, задавая многие практические вопросы, связанные с управлением Церковью. Опытный патриарх отвечал мудро и охотно. Несколько раз они вместе служили Божественную литургию.

Савву и одного просили служить в разных храмах, что он с радостью исполнял. Толпы народа желали взять благословение у «варвара», говорившего по-гречески лучше, нежели многие греки. И книжные люди, и про-

стецы были воодушевлены его глубоко духовными проповедями, утонченным обхождением и добротой.

Наконец Савва простился с царем-героем и, благословленный патриархом, отправился в обратный путь. Мог ли он тогда предвидеть, что, посещая Никею в следующий раз, он встретит уже другого царя и другого патриарха? Воистину, мир сей есть место встреч и расставаний.

Глава 25

Духовная сила, соединенная с властью

Яркой особенностью духовного человека является его недовольство самим собою. Вознесенный на высокое церковное положение против своей воли, он видит себя умаленным, почти наказанным. Святая Гора дала немало епископов, архиепископов, даже патриархов — и ни один из них, включая Савву, не оставлял Афон добровольно.

Настаивая, чтобы первым сербским предстоятелем стал Савва, император Феодор и патриарх Мануил проявили большую мудрость и искреннее желание блага Сербской Церкви. Константинопольская Мать-Церковь не всегда бывала по-матерински щедра к церковным провинциям и неохот-

но отказывалась от своих прав и власти. Тем не менее, царь и патриарх в Никее сделали это охотно и с любовью, словно по вдохновению Духа Святого. Они осознали: для исполинских трудов нужен духовный исполин.

Савва действительно искренне отказывался от этого сана. Тяжкой была для него даже мысль о расставании со Святою Горой, где он десятилетиями пестовал свою душу, обогащая ее всеми иноческими добродетелями. Когда он возвратился на Афон, душа его была подернута тенью скорби.

На Святой Горе Савву встретили с великою радостью. Хилендар наполнился множеством черноризцев из всех монастырей, келий, пещер: все желали получить благословение святителя, и печалились, что расстаются с ним. Нигде в мире архиерея так не уважают и не почитают, как на Афоне. Прот и все игумены приглашали Савву служить Божественную литургию и рукополагать во священники и диаконы.

Всюду святителя приветствовали как старого друга и благодетеля. Многие помнили его еще босоногим юношей, спешившим на подмогу всем и каждому. И все знали его как самого строгого аскета, самого практичного настоятели и самого щедрого собрата. И вот он, один из них, стал архиепископом. Савву соединяла глубокая любовь с каждым из этих людей, труждающихся, подобно ему самому, над стяжанием любви Божией: его голубые очи всегда были готовы к светлым слезам радости об их радости или скорби об их скорби.

Сделав все, о чем его просили, святитель удалился в испосницу. Там внезапно нашла на него слабость: он чувствовал себя как Адам, изгнанный из рая. Но Господь не оставил Своего верного раба. Однажды вечером, когда Савва пробудился от тонкого сна, ему явилась Пресвятая Богородица и изрекла: «Вскую ты впал в отчаяние, если ведаешь, что Я предстательствую за тебя пред Царем всех — Сыном и Богом Моим? Восстань же

и гряди на дело, на которое Он тебя избрал. Отвергни все сомнения, ибо Он всегда тебе поможет!»

Укрепленный видением, Савва спешно завершил все дела в Хилендаре, взял с собою нескольких наиболее одаренных монахов, достойных епископства, и отправился в Фессалоники. В этом великом городе пробыл он некоторое время, живя в монастыре Филокалис. Здесь он вместе с учениками начал свой труд.

Савва переписал Кормчую книгу, а также богослужебные книги. Он купил множество греческих книг, для последующего их перевода на сербский язык, большое количество икон, церковных облачений и утвари. Увидев какой-либо красивый предмет в солунских храмах, он заказывал мастерам сделать точно такой же для Жичи и других монастырей Сербии. Наконец, помолившись у мощей святого великомученика Димитрия, Савва простился с митрополитом фессалоникским и отправился в Сербию.

На сербской границе святителя встретили племянники, сыновья великого жупана Радослав и Владислав. Стефан лежал на одре болезни и не мог приехать. Молодые принцы с особою радостью и почтением приветствовали дядю, поклонились ему, поцеловали руки и испросили благословения.

Так, спустя шестьсот лет со времени принятия сербами христианской веры, на сербскую землю ступил первый сербский архипастырь — и какой архипастырь!

Глава 26

Живые и мертвые действуют

Истинного человека Божия тепло принимают повсюду, где бы он ни оказался. Появление Саввы вызывало радость как среди иноков Святой Горы, так и при императорском дворе в Константинополе и, позднее, в Никее. И ныне его возвращение в Сербию воспринималось всеми сербами как чудо.

Услышав на границе о болезни своего брата, святитель поспешил в Рас и застал Стефана в крайне тяжелом состоянии — слуги полагали, что великий жупан при смерти. Савва помолился Богу и окропил болящего святой водой. Стефан поднялся и вскоре уже трапезничал за праздничным столом. Его чудесное исцеление сделало возвращение святителя еще более радостным. Когда братья

остались наедине, Стефан смиренно поклонился Савве и сказал: «Добро пожаловать, посланник Божий, пришедший учить народ своей отчизны и установить законы и обычаи, приличествующие народу христианскому. Я даю обет пребывать тебе верным, как слуга — владыке.»

Обещание свое Стефан не нарушал до конца дней. Возможно, это и было плодом покаяния за те проступки, из-за которых Савва, по мнению современных историков, двумя годами ранее и покинул Сербию.

Савва потребовал от Стефана созвать собор сановников, чтобы сформировать новые епархии и поставить епископов. На том соборе было решено основать девять новых епархий. Резиденции всех епископов должны были располагаться в монастырях, а Жича, монастырь Святого Вознесения, была назначена резиденцией архиепископа.

Савва, довольный тем, что осуществил это дело в согласии с представителями государства, сразу же отправился в Студени-

цу. С великою радостью и одушевлением он обнял раку преподобного Симеона, благословил игумена и братию и приступил к богослужениям. В то время он рукополагал многих священников и наставлял их на путь непорочной жизни; учил, как совершать богослужения и святыя таинства, как очистить народ от оставшихся в нем языческих обычаев и пороков, как бороться с еретиками. Он поставил vikariev, namestnikov и protoiereev, призванных неусыпно заботиться о духовных нуждах своего народа и приходского духовенства, которое, в свою очередь, должно являться образом благочестия для паствы.

Святое миро тогда непрестанно истекало из раки и от иконы преподобного Симеона. Особенно обильно, когда Савва совершал богослужения. Казалось, живой и мертвый заключили союз, дабы духовно и нравственно утвердить свой народ посредством восхищения и радости, то есть чрез апостольский язык одного и мироточение другого. Савви-

ны живые слова о правой вере подтверждались чудом мироточения от мощей преподобного Симеона. Это чудо необыкновенно умножило веру в народе.

Стефан был един в духе и истине с обоими, почитая отца и слушаясь брата. Так эти трое неутомимо укрепляли свой народ: как духовно, так и материально.

Глава 27

Архиепископ в Жиче

Савва прекрасно знал великую пользу христианского искусства для утверждения веры. Но до Саввы это знал и Неманя, воздвигший славную Студеницу, а еще ранее — Джурджеви Ступови. О впечатлении, которое производил второй монастырь, есть такая легенда. Некий турецкий паша хотел разорить его. Однако, войдя в храм и увидев величественную архитектуру, фрески, живо и красочно изображающие ангелов и святых, паша в ужасе воскликнул: «Бежим отсюда скорее, ибо здесь пребывает Сам Всевышний!» А что уж говорить о красоте Студеницы!

Даже мусульмане осознавали огромную ценность религиозного искусства, в отличие от богомилов. Богомилы ненавидели

большие церковные здания и избегали их, мусульмане же любили возводить высокие мечети, соперничавшие с христианскими храмами. Поэтому они не стеснялись превращать в мечети и прекраснейшие церкви, как произошло со Святой Софией и многими другими храмами на Балканах, включая Сербию.

Когда архиепископ Савва прибыл в Жичу, все строительные работы были завершены. Мощная колокольня превосходила высотой все в округе. Каменный храм имел новую среднюю часть с большим алтарем, два боковых придела и весьма пространный притвор, державшийся на двух столбах. Изнутри он был отштукатурен и выкрашен в красный цвет с золотистым орнаментом.

Вокруг Большого храма и храма Святых апостолов были выстроены здания с помещениями для архиепископа, короля, гостей и келии для монахов. Высокая стена со множеством башен и бойниц была призвана защитить монастырь от неприятеля

Все это Стефан создал по Саввиному плану, и, конечно, Савва остался доволен. Но теперь нужно было расписать стены и купола, изготовить украшения из камня, металла и дерева. За дело взялись мастера, приехавшие из Фессалоник и Константинополя. Некоторые из них уже работали у Саввы в Хилендаре. Это были лучшие представители византийского искусства. Святитель хотел явить в Жиче чистейший византийский вкус как совершенное выражение православия.

Всегда духом пламеневший (Рим. 12, 11), Савва просил художников поспешить, насколько возможно, хотя знал: спешка враждебна искусству. Святитель хотел ограниченное время наполнить неограниченными делами. Его ожидало тожественное освящение большого храма, хиротония новых епископов, собственная интронизация как первого сербского архиепископа, созыв великого народного Собора и помазание сербского короля. Учитывая все это, он и торопился закончить работы в Жиче.

При освящении Жичи присутствовало великое множество народа. После освящения Савва служил ежедневно и на девяти литургиях рукоположил девять епископов.

За всяким богослужением святитель неустанно проповедовал. Он поздравлял сербский народ и призывал его благодарить Бога за то, что ныне у него есть свои по крови и языку архиереи.

В свою очередь, новых архипастырей Савва наставлял быть достойными преемниками Христа и апостолов, как в частной жизни, так и в общественном служении. «Ваша жизнь, — говорил он, — должна быть устроена так, чтобы вы могли быть примером для паствы. Ибо даже за самую незаметную овцу вашего духовного стада вам придется давать ответ на Страшном Суде».

После наставлений Савва вручал епископам книги на сербском языке, принесенные им со Святой Горы. Он велел переписывать эти книги для использования в монастырях и на приходах. Благословив епископов, свя-

титель направлял их в их епархии как новых апостолов.

Савва посвятил Жичу Христу Вседержителю, Который был изображен на огромной фреске в большом куполе. Храмовый праздник был назначен на день Вознесения Господня.

Святитель пригласил великого жупана прибыть на Вознесение в Жичу с воеводами, дворянами и государственными чиновниками. Он также призвал в Жичу все духовенство. Все они откликнулись и прибыли вовремя. С радостью и восхищением смотрели на Жичу, дивясь ее красоте.

Глава 28

Собор в Жиче

Нет красоты, которая могла бы сравниться с красотой святыни. Потому узревший это возвышенное великолепие воскликнул: «Воздайте Господу славу имени Его; поклонитесь Господу в благолепном святилище Его» (Пс. 28, 2). Ибо только благолепие святыни очищает и возвышает душу. Оно рождает в сердцах людей два благородных чувства: благоговение и радость.

Бесчисленные очи людские с неописуемой радостью и благоговением взирали на Жичу. В дни, предшествовавшие великому празднику, народ по православному обычаю устремился в Жичу, дабы заблаговременно найти место и напитать душу красою святыни.

Просторный церковный двор, берега ручья, монастырский луг, плодовые сады, пригорки, — все было заполнено людьми. Для отдыха и сна были установлены палатки и на скорую руку сооружены шалаши.

Горожане и селяне прибыли в лучших своих одеждах, вышитых и богато украшенных. Жителей разных краев, в том числе самых удаленных, легко было распознать именно по одежде. Все души были устремлены к Богу, а очи — к дивному монастырю, в котором люди надеялись увидеть Савву и великого жупана.

Стефан явился в сопровождении принцев, воевод и прочей знати. Все они были облачены в дорогие многоцветные одеяния, препоясаны в соответствии со званием и положением серебряными или золотыми поясами, украшены драгоценностями. Их сопровождал почетный караул, сияющий мечами, копьями, алебардами, шлемами и щитами.

Так два брата встретились вновь. Они приветствовали друг друга тем, что намного

возвышеннее и трогательнее слов: слезами взаимной любви.

Звон колоколов призвал ко всенощному бдению. Храм был переполнен. Савва поставил Стефана возле трона, второй трон был приготовлен для самого Саввы.

После пения тропаря «Вознеслся еси во славе, Христе Боже наш...» Савва произнес следующую проповедь: «Все вы ведаете, как я два раза убегал от вас в пустыню. Ведаете вы также, что ни одна из многих красот мира сего не отлучила меня от любви ко Господу. Мню, что никакое земное благо не стоит столько, сколько искренняя молитва к Богу, и ничто не приносит такого счастья, как она.

Ради вашего блага, соотечественники мои, я оставил мою святую и сладчайшую пустыню и пришел, чтобы только спасти души ваши. Чтобы спасти ваши души, я пренебрег своею. Поступая так, я вспомнил тех древних святых, которые, жалея народ свой, глаголали Богу: «Прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую

Ты вписал» (Исх. 32, 32) — или: «я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти» (Рим. 9, 3). Так и я, желая содействовать вашему спасению, забыл о своем. Но если вы последуете моим наставлениям и примете закон Божий, то спасетесь, а с вами и я. Потому я требую от вас, чтобы вы слушали всякое слово мое, сказанное вам о Господе ради вашего блага.

Не забывайте, как Господь Бог укрепил вас, умножил и возвеличил чрез своего раба, преподобного Симеона. Многие из вас стали правителями и властителями, воеводами и князьями, а некоторые даже жупанами. Но человек, милостью Божией стоящий выше вас по власти и чести, должен носить более высокое звание. Как я был рукоположен и поставлен в архиепископа, получив власть для вашего блага, так и человек, по милости Божией правящий народом нашим, должен быть отличен от других в чести и увенчан королевскою короной. Верую, что сие послужит к вашей собственной чes-

ти и славе. Когда это осуществится, я продолжу говорить вам о Божественной вере и вечном спасении».

В ответ на Саввины речи народ в воодушевлении восклицал: «Ты нам от Бога послан, и мы во всем тебя слушаем!»

Конечно, в те времена не было звукоусилителей и громкоговорителей, но произнесенные в храме слова быстро донеслись до слуха стоявшего снаружи народа: «Завтра у нас будет король!»

Глава 29

Стефан — первовенчаный король

В истории каждого народа есть дни исключительные, навсегда остающиеся в памяти народной как решающие в его судьбе. Таковым стал для сербов день Вознесения Господня 1220 года — день интронизации первого сербского архиепископа и коронации первого сербского короля в Жиче. Оба эти события были равно важны и означали полную независимость сербского народа и Церкви от иностранных государств. И оба произошли благодаря усердию святителя Саввы.

В тот день Савва совершал Божественную литургию в Большом храме со всеми епископами, настоятелями монастырей и множеством священников. Сначала епископы возве-

ли его на архиепископский трон. Затем, после великого входа, архиепископ взял освященную корону и возложил ее на главу великого жупана Стефана, а на рамена его — королевскую мантию. Наконец Савва помазал Стефана святым миром и причастил его в алтаре. После того святитель объявил: «Стефан, король всех Сербских земель и Приморья». Воодушевленный народ восклицал: «Аминь, аминь — многая лета королю Стефану!»

После богослужения государь пригласил всех присутствующих на трапезу как своих гостей. По распоряжению Саввы, самые бедные были приведены к королю, чтобы получить подарки и радоваться вместе со всеми. Потом Стефан осмотрел храм: нигде на Балканах, исключая разве что Константинополь, не было такой прекрасной церкви.

Притвор украшали два портрета: Стефана и его старшего сына Радослава. На первом — красивый чернобородый человек в драгоценной королевской короне с жемчугами и золо-

тыми кистями — такую позднее носили все сербские короли и цари. На картине нет королевы, хотя в Студенице Неманя изображен со своею супругою Анной. Причина, видимо, в том, что жена Стефана была католичкой. Рядом, на стене, написано, что все сербские государи должны короноваться в Жиче. Там же должны поставляться все епископы и игумены.

Вдохновленный необычайной красотой Жичи, монарх был в неопишемом ликовании. Стефан, без сомнения, был глубоко благочестивый человек и, несмотря на некоторые прегрешения, человек воистину великий. В греховных проступках он искренне каялся пред своим духовным отцом — Саввой и получил прощение.

На следующий день Савва в присутствии короля и свиты произнес продолжительную проповедь. Первая часть ее была богословской, вторая — пастырской. Разъяснив начала христианской веры, Савва стал говорить о ересьях и лжеучениях, посеянных дьяволом

среди сербов, как плевелы среди пшеницы. Архипастырь призвал всех собравшихся трижды произнести вслед за ним православный Символ веры. Потом повелел повторять: «Мы признаем все Вселенские соборы Церкви... Все, ими отвергнутое, мы отвергаем... Все, ими проклятое, мы проклинаем... Мы чтим честной Крест, на котором был распят Иисус Христос... Мы почитаем иконы Христа, Его Пресвятой Матери и святых ... Мы принимаем святое причастие с твердой верой, что это истинное тело и истинная кровь Спасителя... Мы будем придерживаться предания святых апостолов и святых отцов...»

Это можно было сравнить с происходившим на Иордане, когда Иоанн Креститель взывал к народу: «Покайтесь!»

Глава 30

Окончание собора в Жиче

В те времена проблемы в церковно-государственных отношениях не лишали народ покоя, как это происходит в нашу эпоху. Всякий раз, когда предпринимались попытки силою навязать цезарепапизм или папоцезаризм, их быстро сводили на нет. Были, правда, неприятные столкновения между светскими и церковными властями на личной основе, но временные и краткие. Если появлялись какие-то недоразумения, касающиеся религиозных догматов и канонов и угрожающие единству христианского мира, то об этом должны были судить Соборы. Кем бы ни был виновный: хоть царем или патриархом, — он не мог уйти от ответственности перед Собором.

Саввино понимание взаимоотношений Церкви и государства основывалось на представлении о цели человеческого бытия. Святитель ясно осознавал, что земные законы являются всего лишь средством для достижения истинной цели — Царствия Небесного.

Посему и Церковь, и государство должны помогать людям в достижении этой цели. Если же они желают состязаться друг с другом, то пусть состязаются в служении народу, а не в препирательствах о чести и власти. Король и архиепископ призваны быть слугами Божиими чрез служение народу и помощь ему в осуществлении конечного, вечного устремления.

«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его» (Мф 6, 33), — вот была Саввина программа для сербской национальной Церкви и всей державы. Сие было заповедано не только апостолам, но и иерархам, королям и обычным мирянам.

Со времени святителя Саввы действовал прославленный сербский лозунг: «К Царствию Небесному, а не к царству земному».

Спустя два столетия сербский князь Лазарь поведет свою крестоносную дружину против нашествия мусульман, и великое множество сербов с этими словами примут мученическую смерть. Девиз этот можно было слышать и в более поздние времена.

На третий день Собора Савва выполнил еще одну важную задачу. Это было в субботу, накануне Недели святых отцов Первого Вселенского Собора, составивших наш Символ веры и осудивших ересь Ария. Савва произнес слово о правой вере. Конечно, он думал о тех, кто уклонился в богомильскую ересь или католичество.

Заканчивая проповедь, святитель предупредил присутствующих: «Наши старания проводить добрую жизнь не помогут нам без правой веры в Бога, и правая вера без добрых дел не сотворит нас достойными видеть лице Бога нашего. Потщимся же, чтобы и то, и другое шло вместе, да будем беспорочны и Богу угодны. Вера нас может спасти, лишь когда она соединена с добрыми делами и яв-

лена чрез них, когда она вдохновлена любовью к Богу». Так Савва указал узкий путь, проходящий меж искушений, которые смущали западных христиан. На Западе от ошибочного толкования взаимоотношений церкви и государства и вопроса о том, что важнее для спасения: вера или добрые дела, — происходили нестроения.

По окончании великого повечерия Савва потребовал, чтобы в храме остались только желающие возвратиться в лоно православия богомилы и римокатолики. Архиепископ дал им ясные наставления.

Богомилы должны были прежде всего осудить свою ересь, а потом пройти катехизическую подготовку для крещения. Римокатолики должны были отказаться от своих еретических заблуждений, принять Символ веры Первого и Второго Вселенского Соборов и пройти таинство миропомазания. Таким образом они возвращались к вере своих отцов. Савва благословил епископов так и поступать с покаявшимися еретиками.

На следующий день, в воскресенье, после благодарственного молебна в Большом храме Собор в Жиче был завершен. Король и его свита простились с архиепископом и, испросив у него благословения, удалились. Савва же отправился в маленькую домовую церковь, где и продолжил благодарить Бога за Его помощь.

Освободившись от блистательных архиерейских облачений, святитель в простой монашеской рясе пал ниц пред Господом. И в то время как сербская знать и множество народа разносили о нем славу как о величайшем между ними, смертными, Савва в величайшем смирении пред своим вечным Царем говорил: «Я червь, а не человек».

Глава 31

Буря отовсюду

У православных народов на Балканах был такой обычай: если какой-нибудь бедняк начинает строить дом, то все соседи ему помогают, — трудами ли, деньгами или материалом. И когда дом готов, они разделяют радость своего соседа. А в истории иногда приходится наблюдать, как некий богатый правитель радуется разрушению того, что выстроил его сосед, брат во Христе.

События в Жиче, заложившие твердое основание независимого сербского дома, духовного и национального бытия сербов, вызвали вокруг бурю зависти. Самое резкое противодействие последовало со стороны венгерского короля Андрияша и архиепископа Охридского Димитрия Хоматиана.

Болгарский король в Константинополе, хотя и гневался из-за появления нового королевства, но в то время не был способен сделать что-либо конкретное и мог только яриться. Папа Каллист II немедленно откликнулся враждебным письмом и объявил архиепископа Барского полным властителем всех православных храмов и монастырей в Сербии, Боснии и Герцеговине.

Между тем Феодор Ангел, могущественный князь Эпира и Албании, принял весть из Жичи, как кажется, без особого волнения: он был занят другими проблемами и не хотел портить отношения со Стефаном. Кроме того, его брат Мануил был женат на сербской принцессе Комнине. И все-таки Феодор Ангел был на стороне Хоматиана, ибо надеялся, что последний коронуется как царя.

Венгерский король Андрияш именовался и королем Сербии — этот пустой титул королям Венгрии даровал папа. Андрияш не хотел лишиться своего титула и уступить его кому бы то ни было. Только что без всякой

славы он возвратился из крестового похода в Палестину. Лишение титула сербского короля было еще одним ударом по его самолюбию. И Андрияш объявил Сербии войну.

Стефан всеми силами пытался избежать кровопролития, но все было напрасно. Наконец он попросил Савву отправиться к венграм и умирить их. Святитель послушался и пошел.

По преданию, Савва встретил короля Андрияша в Бахки, на месте, где позднее был воздвигнут монастырь Ковиль в честь Святых архангелов. Андрияш принял святителя с почестями.

И здесь, как и в случае со Стрезом, Савва, заговорив языком Евангелия, напомнил королю учение Христово: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7, 12), — и многое, подобное тому. Во время беседы Андрияш разгневался и принялся поносить Стефана. Святой молился про себя — то же он стал бы делать во время бури, чтобы ее успокоить. И воистину, помог ему Бог. Это

произошло следующим чудесным образом.

Савва с сопровождающими разместился в шатре недалеко от военного стана. Король каждый день посылал сербам пищу и вино. В то время стояла страшная жара. Святой отправил своих людей попросить немного льда, но король не мог его найти.

Тогда Савва помолился Богу, и по молитве святителя вокруг сербского шатра выпал град. Савва наполнил сосуд льдом и послал его королю со словами: «Я просил льда у тебя, и ты не мог дать его. Тогда я попросил у Творца, и Он дал мне».

Изумленный король Андрияш переменял свои мысли. С поспешностью пришел он в шатер сербов, поклонился Савве и, величая его своим духовным отцом, попросил прощения за оскорбительные речи. Несколько дней Андрияш провел у ног святого, внимая его богодухновенным поучениям. Наконец венгерский король выразил желание перейти в православие, и Савва исполнил его просьбу.

При расставании Андрияш наделил святителя многими дарами, предназначенными и ему лично, и королю Стефану, сказав: «Передай Стефану, королю сербов, твоему и моему брату, мои приветствия и искреннюю любовь». Он выделил Савве и почетный караул, сопровождавший того до Дуная. Так Бог помог Сербии и святителю Савве умирить бурю, угрожавшую с севера.

На юге бурю вызвал Охридский архиепископ Хоматиан. Он направил «монаху» Савве послание, в котором обвинял святителя в нарушении церковных канонов, монашеских обетов и нравственной дисциплины.

По словам Хоматиана, неканонично было Савве отправляться за автокефалией в Никею, а не в Охрид; неканоничны его вмешательства в военные и дипломатические дела, переговоры с иностранными королями и князьями; безнравственно то, что Савва оставил свою подвижническую жизнь на Святой Горе; безнравственно, что он пребывает среди мирских искушений, ездит на хоро-

ших конях, присутствует на пирах в обществе вельмож — и так далее.

Кроме этого критического письма Савве, Хоматиан послал два протеста вселенским патриархам в Никее, первый — Мануилу в 1220 году, второй — Герману в 1222. Патриархи оставили оба этих обвинительных послания без ответа, ибо прекрасно знали церковные каноны и церковную дисциплину.

Савва поехал в Никею, а не в Охрид, потому что архиепископ Охридский и сам подчинялся вселенскому патриарху, в то время находившемуся в Никее.

Савва стал архиепископом из монаха, по устоявшейся практике Православной Церкви. Даже некоторые миряне возводились в сан архиепископов и патриархов (Амвросий, Нектарий, Фотий). Точно так же многие патриархи до и после Саввы сносились с иностранными правителями, дабы предотвратить войну и братоубийство между христианами.

Необходимость заставляла сербского архиепископа, как и апостолов, находиться во

всяком обществе. Однако и в тех условиях, в которых оказался Савва, он, не желая того показывать, оставался строжайшим аскетом. Его святая жизнь была хорошо известна от Венгрии до Никеи. Поэтому обвинения Хоматиана всеми были восприняты как ничего не значащие.

Так буря утихла, опасность миновала, и Савва продолжил свои многоплодные труды. Благодаря ему, Сербская Церковь и Сербское государство стояли твердо и надежно под защитой Христа Вседержителя.

Глава 32

Последние дни короля Стефана

Мудрость христианина можно измерить его памятью о смерти и подготовкой к жизни иной. И как человекам положено однажды умереть, а потом суд (Евр. 9, 27), то логично готовиться к суду, пока мы еще находимся по эту сторону смерти.

Действительно, нас не убаюкивают нелепые доктрины о повторной жизни на земле (реинкарнации), что означало бы и многократную смерть: мы веруем в единственную жизнь и единственную смерть на земле, а потом — суд. Сие есть учение Христово.

Следуя этому учению Христа, Его ученики несут разнообразные труды, и в этом им нет равных в мире. Наша земная жизнь — наша единственная возможность. Философы-

безбожники обычно говорили: «Будем наслаждаться сегодня, ибо завтра умрем». Христиане же могут сказать: «Будем трудиться сегодня, ибо завтра предстанем на суд».

Два брата, Савва и Стефан, наполнили свои дни благими делами в мудром ожидании кончины. Стефан следовал примеру отца, а еще больше — примеру брата, видя всестороннее духовное преуспевание Саввы, его неустанные труды, его неустрашимость пред лицом смерти и его сверхъестественные усилия в подготовке к жизни вечной. С годами, вдохновляясь житием брата-монаха, Стефан все более и более стремился подражать ему.

После своей коронации и после того, как утихли вызванные этим событием бури, благоверный король имел мир со всеми и жил счастливо, славя Бога. Отважный и на войне, и в мирное время, весьма прилежный ученик, добросердечный друг и благодетель, прекрасный писатель, приятный собеседник и набожный смиренный человек — таков был король Стефан.

Между тем, при всем своем счастье и мире Стефан, подобно Савве, думал о конце жизни и суде. Никогда не мог он забыть табличек, которые иноки в Студенице помещали над дверями своих келий. На них было написано: «Помни час смертный, и вовеки не согрешишь!»

Стефан любил монахов не только потому, что их любил Савва, но и за их непрестанную память смертную и подготовку к жизни вечной. И сам он хотел стать иноком. Неудивительно: ведь были монахами его отец Симеон и брат Савва; старший брат Вукан тоже принял постриг, скончался как монах Феодосий и был похоронен в Студенице рядом с отцом.

Стефан уже порядком состарился. Ему шел седьмой десяток, он овдовел и болел. Он просил брата о пострижении в иночество, но Савва откладывал постриг. Однажды, сильно разболевшись, Стефан послал за святителем гонца. Савва прибыл и молитвою исцелил короля, но не постриг, хотя Стефан

говорил, что более желал бы умереть монахом, нежели продлить дни свои.

Мы не знаем, почему Савва несколько раз отказывал Стефану. Возможно, святитель не хотел приближать смену королевской власти. В конце года, однако, он получил известие, что Стефан при смерти. С великою поспешностью святитель выехал из Жичи. У самой столицы встретили его вестники, сообщившие о смерти короля.

Сказали святому и то, что последними словами Стефана были: «Савва, Савва!» Государственные мужи, собравшиеся у смертного одра монарха, спрашивали его, кто из его четырех сыновей будет наследником престола. Умиравший ответил: «Королевство — не мое, а брата Саввы, спросите у него».

Выслушав это, святитель принялся усердно молиться, чтобы Бог вернул жизнь королю — ненадолго, до вечера.

Войдя в покои, где лежало тело брата, Савва подвел к нему старшего королевича Радослава, осенил Стефана крестным знаме-

нием и громко произнес: «Государь мой, говори!» И тот сказал: «Я даю Радославу мой королевский скипетр, а ты дай ему твое благословение».

Савва благословил Радослава, потом облек брата в иноческую рясу и переименовал его. Король Стефан стал монахом Симоном. Вечером монах Симон, склонившись к груди Саввы, предал дух свой Господу. Так 24 сентября 1228 года закончилась земная жизнь великого христианского короля.

В сопровождении множества народа тело почившего было перенесено из Раса в Студеницу и погребено близ гробницы преподобного Симеона. Савва же раздал беднякам милостыню за упокой души своего возлюбленного брата Стефана Первовенчанного, в иночестве Симона.

Глава 33

Первое паломничество

Савва не долго скорбел о почившем брате. А если и скорбел он, то не из-за его смерти, ибо знал, что Стефан продолжает жить; но из-за разлуки с благородным и крепким со-работником во всех своих трудах, направленных на то, чтобы освятить сербов и привести их к Богу.

После похорон короля Стефана Савва призвал в Жичу Радослава. Святитель наставлял его следовать по стопам деда и отца и короновал в присутствии вельмож и множества народа.

Затем Савва стал готовиться к путешествию в Святую Землю. Это было его давнее стремление. Обеспечив Сербии нового законного короля, увидев установившийся

мир и порядок, святой почувствовал, что пришло время осуществить свое давнишнее благочестивое желание.

Король Радослав и все его приближенные умоляли не покидать их: они боялись, что Савва не вернется, а это было бы для них великою утратой. Ободрив и благословив их, святитель отправился на побережье Адриатического моря.

Этой областью управлял племянник Саввы, сын Вукана, великий жупан Джордже. Савва благословил народ, сел на корабль и отплыл в направлении Иерусалима. В Святом Граде его с братской любовью принял патриарх Афанасий. Он оказал Савве и его свите гостеприимство, разместив их в своей резиденции.

Савва совершал богослужения в храме Воскресения, иногда с патриархом, иногда один. Он посетил все святые места, связанные с земной жизнью Господа нашего Иисуса Христа. И здесь Савва, хотя и был охвачен сильными впечатлениями и погружен в со-

зерцание, показал свой практичный разум. Он использовал любую возможность сотворить дело милосердия во имя Господа своего. Два таких случая представились ему по промыслу Божию в Акре и в Иерусалиме.

Во время крестовых походов латиняне захватили в Акре православный храм, ранее принадлежавший Лавре преподобного Саввы Освященного, где веками оказывалось гостеприимство паломникам. Савва тут же выкупил церковь у латинян и возвратил законному владельцу. А в Иерусалиме он выкупил у мусульман дом, в котором находилась горница Тайной вечери, и завещал его Сербской Православной Церкви.

После продолжительного пребывания в Иерусалиме Савва попросил у патриарха позволения и благословения посетить и прочие святы места Палестины. Патриарх с радостью дал ему рекомендательное письмо и пожелал счастливого пути. С этим письмом сербский святой покинул стены святого города.

Глава 34

Стопами своего Учителя

Если вы, отправляясь в паломничество во Святую Землю, ожидаете увидеть прекрасные пейзажи, то, конечно, будете разочарованы. Гораздо больше красивых мест можно встретить в Америке, в Швейцарии или на Балканах. В Палестине нет ничего особенно-го и исключительного. И все-таки это самое замечательное место на Земле — из-за Того, о Ком сказано: «Красен добротою паче сынов человеческих» (Пс. 44, 3). Личность Господа Иисуса Христа сделала сии края необыкновенно прекрасными. Все прочее не имеет никакого значения.

Во времена святителя Саввы Святая Земля, по которой прошли пять армий крестоносцев, представляла собою картину разру-

хи и опустошения. Воистину, трудно сказать, кто нанес Палестине более тяжкие раны: последователи полумесяца или последователи креста. Савве, который не находил наслаждения и в красотах родной Сербии, ужасающая разруха Христовой отчизны не была скучна. Он искал только Спасителя, с намерением молиться Ему всюду, где что-либо напоминало о Нем. Истинная любовь выше красот природы.

В Вифлееме Савва входил в каменную пещеру, в коей Иисус родился от Пресвятой Девы Марии. В Назарете он посетил дом Иосифа, где архангел Гавриил благовестил Марии, что она избрана от Бога, дабы родить Царя царствующих. Он поднимался на Фавор, где Христос открыл Свое Божество чрез Свое преображение. Он был в Кане, где Господь на свадьбе претворил воду в вино, и так положил... начало чудесам (Ин. 2, 11).

Оттуда святой направил свой путь к Галилейскому озеру, на берегах коего Господь проповедовал Свое учение и творил див-

ные чудеса. Савва путешествовал по реке Иордану, в которой святой Иоанн Креститель крестил и Самого Иисуса Христа; перешел реку, дабы увидеть безжизненную пустыню, где целых тридцать лет прожил Иоанн и куда позднее, в XI веке, пришла молодая сербка, преподобная Параскева (Петка), за тот же срок превзошедшая пустынного льва. Посетив монастыри святого Иоанна и святого Герасима, Савва пошел через Иерихон на Гору Искушения, где Спасителя после крещения искушал диавол. Там, в греческом монастыре, святитель служил Божественную литургию в алтаре, находящемся на том самом камне, на котором, по преданию, Христос стоял, постясь сорок дней и сорок ночей.

Затем Савва побывал в пещерах возле Мертвого моря, желая увидеть христианских пустынников и побеседовать с ними. Он наделил их дарами, прося молитв о себе, о почившем короле Стефане — монахе Симоне и о всей своей пастве.

На обратном пути из Иерихона в Иерусалим святитель посетил великую Лавру святых Евфимия и Феоктиста, Хозевитский монастырь, монастырь святого Харитона; всюду он хотел научиться чему-нибудь полезному, а вместе с тем всегда был готов помочь милостыней. Побывал в Вифании, где Господь явил величайшее из своих чудес, воздвигнув из мертвых погребенного четверодневного Лазаря. Наконец, на некоторое время задержался в монастыре преподобного Саввы Освященного.

В обители преподобного Саввы Освященного сербский святитель был принят с великою честью, что и понятно, если принять во внимание помощь с возвращением храма в Акре, а также некое древнее пророчество, еще жившее в памяти насельников. Пророчество заключалось в следующем.

Когда основатель монастыря, почувствовал приближение своей кончины, он сказал братии, что в отдаленном будущем их обитель посетит тезоименитый ему великий ар-

хиепископ, Божий человек, из далекой западной страны. Этому архиепископу преподобный завещал свой жезл и две редкой красоты иконы Пресвятой Богородицы.

Ныне монахи узнали в личности сербского предстоятеля того человека, о котором прозорливо говорил преподобный Савва Освященный. И они передали святителю жезл и иконы.

Патриарх Афанасий получил из всех мест, где побывал Савва, самые прекрасные отзывы о сербском архипастыре, о его мудрости и делах милосердия. Поэтому по возвращении Саввы в Иерусалим патриарх обнял его со словами благодарности. Наконец святитель отбыл в Nikeю.

Царя Феодора Ласкариса и патриарха Мануила уже не было в живых. Новым императором был зять Феодора Иоанн Ватац, а патриархом — Герман. Оба помнили Савву по его первому посещению Nikeи, бывшему при их предшественниках. Они приняли Савву как старого друга и долго слушали его

рассказы о Святой Земле. В славных храмах Никеи Савва вновь служил литургии вместе с патриархом и греческим духовенством в присутствии великого множества народа.

Император и императрица испрашивали у святителя его благословения и богоприятных молитв. Царица рассказывала Савве, как почитал его ее покойный отец Феодор. Савва, со своей стороны, говорил о том, сколь необходимо единство всех православных народов, и призывал греков примириться с болгарами. Царь и патриарх жаловались на эпирского князя, стремившегося стать императором Византии, на архиепископа Охридского Хоматиана, стремившегося стать патриархом, и на болгарского царя, официально признавшего власть папы.

Наконец царственная чета дала Савве много золота и, чтобы оказать угоднику Божию как можно большую честь, отправили Савву на Святую Гору на одной из царских галер в сопровождении вооруженной охраны. Благополучно прибыв на Афон, Савва

был, как всегда, радушно принят протом и прочими иноками. Полученное в Никее золото Савва от имени царя раздал бедным монастырям, прибавив к тому и от себя лично.

А затем святитель отправился в свою испосницу. Там, в уединении, он размышлял о пережитом и сердечно благодарил Господа за все Его милости.

В Хилендаре дела шли наилучшим образом. Савва похвалил игумена и братию и поделился с ними своим новым опытом, приобретенным на Востоке. Наконец, обняв и благословив их всех, Савва покинул Хилендар и Святую Гору, чтобы уже больше никогда в земной жизни их не увидеть. Иконы Пресвятой Богородицы, привезенные из Лавры преподобного Саввы Освященного, архипастырь оставил в Хилендаре как знамение того, что Пречистая будет Настоятельницей монастыря вместо него.

В Фессалониках он застал нового правителя — православного вместо латинянина. Это был Феодор Ангел, бывший эпирский князь,

тесть короля Радослава. Феодор просил Савву повлиять на короля Радослава, дабы тот жил с ним в любви и мире. Со своей стороны угодник Божий посоветовал честолюбивому правителю воздержаться от нападений на болгарского и никейского царей. Это было мудрое и пророческое предупреждение, которое Феодор, к сожалению, не захотел услышать — на собственную гибель.

Через некоторое время святитель возвратился в Сербию. Король Радослав встретил дядю с великой радостью и сыновней любовью.

Глава 35

Пастырь и вождь

Множество святых остаются неизвестными людям, однако они ведомы Богу. Невеликим было бы Царствие Небесное, если бы оно состояло только из тех угодников Христовых, имена которых помещены в календаре.

Бог открывает миру не всех Своих святых, но лишь тех, которые отвечают нуждам веры, времени и народа. Через чудеса этих избранных святых Бог старается оживить, укрепить и оправдать веру людей в разных странах или краях. История Сербской Церкви служит тому доказательством.

Возвратившись из паломничества домой, Савва тут же отправился в Студеницу. Он спешил отслужить панихиду в годовщину смерти своего брата Стефана. А после бого-

служения, открыв гробницу короля-монаха, обрел его мощи, целые, нетленные и благоуханные. Это явление исполнило весь народ великой радости и было воспринято как благословение Божие, ибо Всемогуший обогатил Сербскую землю новым святым.

Савва уже знал, что надо совершить. Без колебаний он с великими почестями перенес мощи в Жичу. По мысли святителя, правильным и логичным было сделать местом их упокоения именно Жичу. Так король Стефан, перед смертью ставший монахом Симоном, после смерти стал преподобным Симоном. Народ, однако, и доныне зовет его просто «святой король».

И так, укрепленный теперь более, чем когда бы то ни было, святитель продолжил свою великую миссию: проповедовать Евангелие, лечить нравственные раны грешников и объединять народ в вере и любви. Благодородным устремлением Саввы было сделать сербов святым народом, по слову Господню: «Святы будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш» (Лев. 19,

2; 1 Пет. 1, 16). Если в то время, когда Господь Бог управлял Израилем, предполагалось, что народ освятится чрез жертвенную кровь тельцов, — кольми паче Бог ожидает, что народ христианский освятится чрез кровь Сына Его едиnorodного!

Савва сначала творил, а затем учил. Поэтому его нельзя было обвинить в лицемерии, присущем учителям, которые сами не исполняли того, чему учили. Он скорбел, сталкиваясь с расхождениями между проповедями и жизненной практикой, посему постоянно подчеркивал необходимость исправного жительства. Святитель неустанно наставлял духовенство вести нравственную жизнь. Самая лучшая проповедь не принесет пользы, если поведение проповедника ей противоречит. «Каков священник — такова и проповедь».

Глава 36

Защитник

История дает человечеству многие уроки, но прежде всего дает не тем, кто желает поучать других, а тем, кто сам любит учиться. Один из таких уроков состоит в следующем: гораздо труднее сохранить, чем приобрести.

Это относится не только к империям, созданным в результате завоеваний, но и к народам одной крови, веры и языка, соединившимся в единую национальную державу после долгой разобщенности и борьбы. Сложность сохранения национального единства всегда проистекала из действия центробежных сил в лице надменной и себялюбивой аристократии. Народные массы, если их не ввели в заблуждение, всегда настроены центростремительно — иными словами, они,

руководствуясь природным умом и опытом, стремятся к укреплению центра.

Немане удалось, не без великих трудностей, объединить сербский народ в рамках единого государства, хотя и не полностью. Но после его смерти национальная держава, им созданная, легко могла развалиться, если бы не было у нее богоданного защитника. Таким защитником стал младший сын Немани, князь Растко, в монашестве Савва.

Своею могучей интеллектуальной и духовной силой Савва сумел умирить старшего брата Вукана, привести его к покаянию и монашеству. Потом святой учил и наставлял великого жупана Стефана. Теперь Савве приходилось иметь дело уже не с братьями, а с племянниками, что было намного сложнее.

У святителя Саввы было семеро племянников: трое — сыновья Вукана, четверо — сыновья Стефана. Сыновей Вукана звали Джордже, Стефан и Дмитар. Джордже (скорее всего, по настоянию Саввы) отрекся от своего королевского титула, признал Стефа-

на Первовенчанного законным королем, а себя назвал великим жупаном. Все три брата были преданы Церкви и, подражая своему деду Немане, возводили храмы. Двое из них даже стали иноками. Джордже обновил несколько старых церковных зданий. Стефан выстроил в Черногории большой монастырь Морачу, являвшийся великой национальной святыней. Дмитар также построил церковь, которая называлась Давидовица по его монашескому имени Давид.

Сыновей короля Стефана звали Радослав, Владислав, Урош и Предислав. Первые трое, один за другим, правили Сербией как короли; Предислав же, вдохновленный дядей, принял постриг и впоследствии стал архиепископом Саввой II.

После смерти короля Стефана сыновья Вукана, благодаря мудрому влиянию дяди-святителя, не претендовали на сербский престол. Савва желал закрепить порядок престолонаследия по линии Стефана Первовенчанного, причем первенство всегда

должно было принадлежать старшему сыну. Потому святой и короновал в Жиче Радослава. Король Радослав был человеком мирным, мягкого характера, но слабым государем. Он был воспитан своею матерью, византийской царевной Евдокией, и женат также на принцессе-гречанке, звали ее Анна Дука и была она дочерью сильнейшего из тогдашних балканских правителей, царя Феодора Ангела, упоминавшегося ранее. Королева Анна была очень красивой, но чрезвычайно самовлюбленной женщиной.

Короля Радослава, находившегося под греческим влиянием и матери, и жены, сербы считали больше греком, чем сербом. На его обручальном кольце была греческая надпись, его официальные бумаги и печать были на греческом, и подписывался он по-гречески. Считалось, что внешней политикой сербского государства руководит его тесть. Что еще тревожнее, была обнаружена тайная переписка Радослава с противником Саввы — Хоматианом Охридским. Все это вызывало у

сербских вельмож сильное недовольство королем. Анну они ненавидели, а его самого презирали.

В такую обстановку попал Савва, возвратившись с Востока. Близко зная своего племянника, святитель любил его и старался сделать все возможное, чтобы спасти королевство от развала. Вскоре, однако, расстановка сил на Балканах изменилась.

Царь Феодор Ангел не внял предупреждению Саввы, и в 1230 году болгарский король Асень разбил его войско, а самого царя, взяв в плен, ослепил. После чего — таковы парадоксы эпохи — выдал за него свою дочь. В связи с этим пошатнулось и положение Радослава. Он вместе с Анной бежал в Албанию, но и там Радославу не повезло: его жена влюбилась во французского военачальника и ушла к нему.

Несчастный король — всеми брошенный, беспомощный, без денег и друзей, на чужбине, в страхе за самую жизнь свою — не знал, что ему делать. Отец умер, брат стал врагом,

тесть — слепым пленником в Болгарии, а жена — сбежала к другому. Вся его надежда была на дядю-святителя. Поэтому Радослав решил возвратиться в Сербию просить помощи у своего единственного друга.

Савва сразу же постриг Радослава в монашество, тем самым выведя его из политической борьбы и защитив от врагов. Бывшая королева Анна, разочаровавшись в новом покровителе, удалилась в православный монастырь, где и прожила оставшуюся жизнь как монахиня.

Тем временем политическая группировка, провозгласившая королем Владислава, младшего брата Радослава, ожидала согласия архиепископа. Эти люди прекрасно знали, что за Саввой стоит народ и что без благословения Саввы новый государь будет не сидеть на престоле, а висеть в воздухе.

Совершенное ими беззаконие и насилие весьма огорчило святителя. Однако его целью было сохранить страну от распада. Спасая жизнь Радославу, Савва не пытался ис-

правлять то, что уже произошло и что нельзя было исправить. Он мудро устроил брак Владислава с Белославой, дочерью болгарского короля Асеня. Владислав стал последним королем, которого святитель лично короновал, благословил и наставил.

Утомленный этими скорбями и тяготами, Савва удалился в свою испосницу в Студенице. У него было предчувствие, что он делает это в последний раз.

Там, в уединении, святитель обратился к Богу с удивительной мольбой: он просил сподобить его смерти в чужой стране. Почему — мы не знаем. Возможно, он был убежден, что его смерть вне Сербии будет самым сильным протестом против нестроений в любимой отчизне. Так это или не так — неизвестно, одно точно: просветленный ум святителя Саввы всегда знал, что нужнее всего отечеству.

Глава 37

Арсений

Одна из характерных добродетелей истинно великого человека заключается в его постоянной заботе о подготовке достойного преемника.

Величайшие люди стремятся к тому, чтобы их наследники были еще более велики. Тот, Кто превыше всякого величия и достоинства, желал, дабы Его апостолы творили дела и большие тех, что творил Он Сам (Ин. 14, 12). Люди мелкие, внешние, с материалистическим взглядом на жизнь, не заботятся о тех, кто придет после них, живя по принципу: «После нас — хоть потоп!»

Савва годами был занят попечением о том, чтобы среди своих учеников найти самого достойного, который мог бы стать его на-

следником и продолжить его труды. Конечно, святитель молился Богу, прося помощи и знамения.

Однажды в Жиче появился молодой незнакомец. Юноша пришел из Срема, узнав о святом Савве и о его обители. Его воодушевили рассказы о неземной красоте сего монастыря и о многочисленных иноках, проводивших жизнь в чистоте, трудах и непрестанном прославлении Бога. Молодой человек захотел вступить в число братии. Своим прозорливым духом Савва узрел в этом юноше великую духовную силу, хотя еще и не развитую, и принял его в число послушников. В дальнейшем святитель наблюдал за ним и весьма утешался, видя его быстрый духовный рост, проявлявшийся в исполнении всех многотрудных монастырских послушаний и в освоении наук. Савва постриг его в монашество с именем Арсений. Через некоторое время рукоположил в иеродиакона, а затем в иеромонаха и назначил настоятелем Большого храма.

Иногда Савва испытывал его. Зная, что Арсений вкушает только хлеб и воду, за исключением праздничных дней, святитель устроил так, что однажды в праздник, когда на братской трапезе полагалась вареная пища и чаша вина, перед Арсением поставили миску болтушки из муки и воды и чашу уксуса. Всякий другой возмутился бы и указал на нарушение устава. Но Арсений, не заботившийся о брашнах, все это съел и выпил без ропота.

И все-таки святитель не был окончательно уверен в своем выборе, пока Бог не открыл ему, что этот выбор согласен с волей Божией. После сего откровения Савва призвал Арсения и поведал ему о своем намерении совершить новое паломничество во Святую Землю, его же поставить архиепископом вместо себя.

В Жиче был созван Собор. Сначала Савва посвятил короля в свое намерение оставить архиепископскую кафедру, удалиться из Сербии и умереть на чужбине. Для государя

это был страшный удар, ибо он все еще нуждался в мудрой и мощной поддержке своего дяди. Однако политическая ситуация была такова, что личное присутствие святителя в Сербии уже не являлось необходимым: он мог приносить пользу своей стране, находясь вне ее.

Когда народ узнал о Саввином намерении их покинуть, люди плакали с неутешною болью. Святитель и сам плакал, как плачет отец, расставаясь с возлюбленными чадами.

Немедля Савва и прочие архиереи рукоположили Арсения в архиепископа. Новый первоиерарх был хорошо известен народу и королю. Особенно его почитали и любили те, кто бывал в Жиче. Для них Арсений был достойным преемником святителя Саввы.

Так независимая Сербская Церковь стяжала своего второго архиепископа. Хотя Арсений не был вторым Саввой, он был первым и лучшим после Саввы. В течение последующих тридцати лет он доказал это.

Глава 38

Второе паломническое путешествие

Делай добро народу, несмотря на народ, — таким был главный девиз всех апостолов и святителей. Ибо народ, из-за темноты или лживой пропаганды, с трудом может отличать друзей от врагов, а добро от зла.

Сербский народ, однако, полностью осознавал, что сделал для него Савва. Сербы любили своего первосвятителя и чувствовали, что и он их любит. Воистину, народ понимал, что Саввино сердце велико и принадлежит всем. Поэтому люди были в смятении, ибо не могли уразуметь, почему теперь святитель их оставляет, делая сиротами при живом отце.

На вопрос этот Савва ответил словами своего Учителя: «Лучше для вас, чтобы я по-

шел» (Ин. 16, 7). Он не удалился на покой в Студеницу — хотя покой был ему более чем необходим после стольких трудов и тревог. Он не уехал на Святую Гору — хотя хотел бы туда отправиться и жить там больше, чем где бы то ни было. Итак, он не руководствовался своими желаниями и не бежал от своих обязанностей. Он научился направлять свою жизнь по воле Божией, как раб Божий и пришлец на земле.

Водимый Духом Божиим, Савва собирался в далекие земли, дабы среди чужих людей работать на благо своего сербского народа и всего вселенского православия. Все народы в мире должны были узнать имя Сербии, ее народ и Церковь чрез самого лучшего их представителя. Таков был промысл Божий, который Савва исполнял с любовью и послушанием.

В Будве, пока видна была уплывающая Саввина галера, множество стоявших на берегу людей кланялись своему дорогому святителю, причитая и оплакивая его отъезд. Савва

все это время стоял на палубе, обеими руками благословляя свой народ и свою землю.

В пути паломников застал сильный шторм. Объятые страхом, капитан и все путники испрашивали Саввиных молитв. Святитель, попросив учеников держать его, так как корабль раскачивало, воздел руки к небу и начал молиться. Затем сотворил крестное знамение и громко возгласил: «Во имя Господа и Бога нашего Иисуса Христа повелеваю вам, ветер и море, утихните!»

И море утихло.

После этого путешественники готовы были почти обожествить Савву. Прибыв в Акру, святитель отправился в храм Святого Георгия, который в свое время выкупил у латинян и возвратил монастырю преподобного Саввы Освященного. Пока он отдыхал, капитан корабля, моряки и путники разнесли весть о том, как по молитвам сербского святителя спаслись от верной смерти. Узнав об этом, городские старейшины и народ пришли поприветствовать Савву. Покло-

нившись ему и предложив погостить в их городе, они испрашивали его благословения и молитв.

В Иерусалиме Савву вновь принял патриарх Афанасий. Он предоставил ему свою резиденцию. Два первоиерарха долго и сердечно беседовали. Некоторое время спустя Савва переселился на Сион в сербский монастырь Святого апостола Иоанна Богослова, купленный им во время первого паломничества в Иерусалим. Следуя примеру Саввы, сербские государи и епископы основывали монастыри в Святой Земле. Король Милутин выстроил монастырь Святых архангелов близ Гроба Господня в Иерусалиме. Патриарх Иоанникий создал храм на горе Фавор и монастырь Пророка Божия Илии в Кармиле. Долгое время во всех обителях Палестины сербские монахи были самыми многочисленными после греков.

Глава 39

Меж верных и неверных

Народ не многого может достичь на основании одних лишь национальных идей, и мы, христиане, не можем говорить о национальной религии или о национальном богословии. О национальных Церквах — да, но, конечно, не о национальной вере. Некоторые даже в наши дни смешивают эти понятия: в своих шовинистических устремлениях они, бывает, обращаются даже к дохристианским временам и пытаются реанимировать языческих богов своих предков. Национальная религия всегда безбожна.

Первый сербский архиепископ прекрасно знал это. Создавая национальную Сербскую Церковь, он не желал этим разжигать в сербах шовинизм, он хотел сделать свой народ

достойным членом православной Христовой семьи. Сам святитель чувствовал себя как дома в любой православной общине, вне зависимости от ее расы и языка.

Из Иерусалима Савва отправился в Александрию. Александрийский патриарх, хорошо знавший от патриарха Константинопольского о сербском архиепископе, его королевском происхождении, святой жизни на Афоне и хиротонии в Никее, встретил святителя с братской любовью.

Угодник Божий совершал богослужения в храме Святого апостола Марка, основателя этой великой поместной Церкви, а также в большом храме Святого Мины и в храме Святых мучеников Кира и Иоанна. Везде он оставил дары, а беднякам, как всегда, раздавал милостыню.

Находясь в Александрии, святитель хотел посетить места, связанные с памятью великих отцов-пустынников, о которых он читал еще молодым иноком и пример сверхъестественной аскетической жизни которых под-

держивал его на пути монашеских подвигов. Патриарх дал ему искусных путеводителей и толмачей.

Они странствовали на верблюдах по пустыне и посетили монастыри на границах с Ливией, Фиваиду, Скит и Нитрию. Угодник Божий одарил пустынножителей и испросил их молитв о сербском народе. Потом караван направился в Каир. Саввин приезд в столицу мусульманских султанов вызвал сенсацию. Мусульмане смотрели на христианских иноков с гневным вопросом: «Кто эти гяуры-неверные, что так свободно въезжают в город?» — ибо не успела еще высохнуть кровь, пролитая крестоносцами. Святитель понимал, что находится в осинном гнезде, но с непрестанною тайной молитвой полагался на Бога. Султан поначалу был расположен к христианам враждебно. Однако, когда его известили, что Савва — человек королевского происхождения и брат короля, он принял высокого гостя с почестями.

Глава 40

Гора Ветхозаветного закона

Мы не можем даже представить себе, сколь трудно было многочисленным народам принять веру в единого Бога. Это было труднее, чем создать великие цивилизации. Совершенные цивилизации Египта, Месопотамии, Сирии и Эллады были помрачены дегенеративным обожествлением природных сил, представленных в виде враждующих между собою божеств. В течение двух поколений Моисей пытался просветить израильтян верою в единого Бога. После сорока лет упорных трудов он умер разочарованный.

Спустя двадцать семь веков по той же пустыне путешествовал духовный предстоятель Сербской Церкви.

Архиепископ Синайский, бывший одновременно и настоятелем монастыря Святой Екатерины, встретил сербского архиепископа с любовью и радостью. Он показал Савве знаменитую библиотеку, многие святыне мощи и прочие бесценные сокровища, дарованные обители государями и добрыми людьми со всего мира и сохранявшиеся здесь веками. Он отвел Савву на вершину Синайской горы, где Моисей принял от Бога две скрижали с десятью заповедями Ветхого Завета. Савва оставался в Синайском монастыре более двух месяцев. После пасхального богослужения, совершенного обоими архиепископами, сербы возвратились в Святой Град.

По возвращении в Иерусалим Савва поразил патриарха Афанасия, сообщив тому о своем желании посетить Вавилон, путь до которого куда длиннее и опаснее, чем до Синая. «Сей человек, как кажется, ищет мученической смерти», — сказал патриарх, взирая на Савву. Благословив друг друга со слезами взаимной любви, архипастыри расстались.

Глава 41

Опасное путешествие

Сначала Савва прибыл в Багдад. Местное мусульманское население было расположено к христианам еще более враждебно, нежели в Египте. Тем не менее, султан Ирака принял Савву с почтением. Он даже предоставил сербскому архипастырю гвардию для охраны на время пребывания того в Ираке.

Сразу же по приезде Савва отправился в храм Трех святых отроков Анании, Мисаила и Азарии, затем посетил развалины некоторых христианских святынь.

Из Ирака Савва отбыл в Сирию, оттуда — в Армению

Когда святитель покинул Армению, началась самая опасная часть его странствия. Ему необходимо было пересечь Курдистан,

дикую гористую местность, населенную курдами, на коих была кровь многих умученных христиан. После этого путь Саввы лежал через турецкий Сельджук — землю, не менее опасную для христиан, нежели Курдистан. По дороге Савва встречал христианские храмы, превращенные в мечети и минареты. Он и не предполагал, что в скором будущем то же произойдет и с сербскими храмами, выстроенными им и его отцом.

Благополучно прибыв в гавань на берегу Средиземного моря, святитель на галере отплыл в Никею. Там императорский двор, патриарх и все христиане приняли его как старого друга, с еще большими почестями, чем ранее. Прежде всего Савва постарался решить с патриархом и императором некоторые вопросы, касающиеся Болгарской Церкви. Прежде всего он ради единства и крепости православия ходатайствовал о признании болгарского патриарха в Тырново. Савва также просил простить царя Асеня, который склонился к Римской

Церкви, но затем покаялся. В обоих случаях святитель достиг полного успеха. После чего отправился морем в болгарский город Месембрию.

Глава 42

Конец паломнического путешествия и жизни

У сербов популярна пословица: «Работай так, будто проживешь сто лет, а молись Богу так, будто завтра умрешь». И еще одна: «Нет смерти до Судного дня». Обе эти пословицы применимы к жизни святителя Саввы.

Царь Асень, извещенный о прибытии в его державу угодника Божия, тут же послал воеводу со слугами и конями, дабы те переправили сербов через заснеженные гребни Балкан в Тырново, столицу Болгарии.

Странствуя по Болгарии, Савва был погружен в глубокие размышления о Промысле Божиим. Он думал о том, исполнит ли Господь, исполнявший все его желания на протяжении жизни, и это, последнее: о даро-

вании смерти на чужбине. Теперь святитель был в Болгарии, наполовину чужой стране, которую ему надлежало проехать. Когда сербские паломники прибыли в Тырново, царь Асень со своими придворными выехал навстречу и препроводил гостя во дворец.

После краткого отдыха Савва долго беседовал с царем и патриархом Иоакимом. Сербский святитель рассказал им, что он сделал для них в Никее. «Болгарская патриархия получила признание, а вину царя Асения простили и забыли», — сообщил он.

И Асень, и Иоаким были безгранично благодарны своему гостю и за его вклад в примирение с Никеей, и за прекрасные дары. Царь Асень устроил в честь Саввы большой праздник. Но все пиры мира сего не могут коснуться небесного света в душе святого. Как псалмопевец, Савва более всего желал единого: «Еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню и посещати храм святой Его» (Пс. 26, 4). Потому он всякий день присутствовал на бо-

гослужениях, чаще всего в новом храме Святых сорока мучеников. На Святках Савва несколько раз совершал Божественную литургию и на каждой службе проповедовал. Он благословлял болгарский народ, как благословлял бы свой.

По желанию царя и патриарха, сербский архипастырь освятил воду в Крещенский сочельник и окропил ею государя и народ. В сам день праздника Савва служил с патриархом Иоакимом в сослужении сербского и болгарского духовенства.

Хотя царь Асень и был страстным охотником, на Святках он воздержался от охоты, более всего утешаясь беседами с Саввою. После освящения крещенской воды государь попросил высокого гостя не спешить с отъездом. «Дождись, святой владыка, — сказал он, — конца этой суровой зимы, отдохни у нас, как у себя дома, до Пасхи». Засим Асень поцеловал Савве руки и отправился на охоту.

Вечером в тот же день Богоявления Савву охватил сильный жар, началась лихорадка.

Святитель понял: приближается смерть. Он призвал нескольких учеников и передал им драгоценные подарки, предназначенные для Сербии. Потом написал письма королю Владиславу и архиепископу Арсению. Благословив своих учеников и верных спутников, святой отослал их на родину. Они отправились печальные, без своего возлюбленного отца.

Патриарх Иоаким был очень обеспокоен болезнью Саввы, особенно когда святитель сказал о своем скором отшествии ко Господу. Иоаким предложил известить царя Асеня, но Савва не согласился. Он поблагодарил болгарского патриарха за заботы и попросил оставить его одного. Иоаким обнял Савву и вышел со слезами на глазах. Одни лишь сербские монахи оставались со своим возлюбленным отцом, который погрузился в молитву. Потом Савва причастился Святых Христовых Тайн и шепотом продолжил молиться, поминая многих людей.

На заре следующего дня, 14 января 1235 года, ученики, находившиеся возле святителя,

услышали таинственный глас, глаголавший: «Радуйся, слуга Мой, возлюбивший истину!» — и еще, немного позже: «Приди, Мой добрый и возлюбленный слуга, прими награду, которую Я обещал всем любящим Меня».

В этот миг Савва радостно улыбнулся и предал свою святую душу Господу. Ученики его по стародавнему обычаю поставили в головах у почившего зажженную свечу и крестообразно сложили его руки на персях.

Глава 43

Православный мир скорбит

Смерть одного из членов семьи — потеря для всей семьи. Смерть короля или народного героя — потеря для всего народа. Но смерть святого — это потеря для многих народов и даже для всего мира. Ибо истинный угодник Божий подобен небесному воздуху для нежных душ человеческих.

Саввину смерть оплакивали всюду, где его знали или хотя бы слышали о нем, но нигде не плакали так, как в Сербии и Болгарии.

Согласно распоряжению Асеня честное тело святителя было погребено на второй день в храме Святых сорока мучеников. Срочно изготовили саркофаг из цельного камня, над которым разместили золотую лампаду, а по сторонам — золотые подсвечники.

Весть о кончине Саввы вызвала великое смятение и глубокую скорбь по всей сербской земле, от королевского дворца до пастушьих хижин. И поскольку печаль народная не утишалась, архиепископ Арсений попросил короля Владислава сделать все возможное, чтобы перенести честные останки Саввы на родину.

Король Владислав обратился к царю Асеню, своему тестю, с просьбой о перенесении тела Саввы в Сербию.

Глава 44

Из Тырново в Милешево

Перенос святых мощей — важное событие в жизни христианской Церкви. Обычной причиной этого явления бывает желание всякой страны иметь святыню, а через нее — милость и благословение. На христианском Востоке и на Балканах были и особые обстоятельства: нападения мусульман. Потому мощи многих сербских святых много раз переносились из одного места в другое и даже из одной страны в другую. Так происходило с мощами князя Лазаря, царя Уроша, Стефана Щиляновича, святителя Арсения, преподобной Параскевы-Петки. Мощи святого короля Стефана Первовенчанного переносились около сорока раз.

Святитель Савва не был исключением. Мощи его Болгария желала иметь точно так

же, как и Сербия, и у обеих стран были на то свои доводы.

Царь Асень отказался вернуть Саввины останки и в ответном письме обосновал это так: «Если бы тело святителя пребывало здесь без должного внимания и почтения, ты был бы совершенно прав, требуя его у нас, дабы вы у себя могли упокоить его с большею заботою и честью. Но святитель, по Промыслу Божию, почил в нашей стране, и его святое тело мы достойно упокоили в храме Божиим — к чему же вы беспокоите его и нас вашим требованием?»

Получив отказ, сербский король весьма опечалился. Он написал болгарскому царю еще одно письмо и послал для переговоров нескольких высокопоставленных царедворцев. Во втором послании Владислав умолял своего тестя, говоря: «Отец мой, если ты имеешь ко мне хоть сколько-нибудь милости, не затворяй от меня своего сердца. Дай мне святое тело моего дяди и владыки».

Это письмо и умилило, и смутило царя Асеня. Не зная, что предпринять, он созвал, во главе с патриархом Иоакимом, изложил дело и попросил принять решение.

Все члены Государственного совета воспротивились желанию сербского короля. Асень написал Владиславу: «Если была воля Божия умереть святителю среди нас — а мы также ученики Христовы — то кто я, чтобы противиться воле Божией? И как дерзну я коснуться могилы святителя, тем паче, что он сам ни слова не говорил о перенесении его тела в Сербию? Посему, сын мой, проси у меня, чего хочешь, но не принуждай делать то, что мне сделать не так легко, — ибо и патриарх, и все мои советники, и весь мой народ возбраняют мне так поступить».

Ответ Асеня привел Владислава в страх и отчаяние. Сербь, желавшие во что бы то ни стало вернуть мощи угодника Божия на родину, уже знали о переписке монархов. Если бы королю не удалось возвратить тело святителя, народ бы воспринял это как знак посмерт-

ного Саввиного недовольства племянником. И что тогда? Владислава могли бы свергнуть с престола. И сербский король решил лично отправиться в Тырново. Он поехал в сопровождении впечатляющей свиты, состоявшей из дворян и епископов, и с богатыми дарами.

Тесть принял Владислава в болгарской столице с искренней отеческой любовью и всеми королевскими почестями. Но Владислав сразу же пошел в храм Святых сорока мучеников, пал у гробницы святителя и молился со слезами: «Знаю, что мой грех заставил тебя покинуть Сербию и привел к смерти на чужбине. Но прости меня ради любви к твоему брату, а моему отцу. Не забудь народа своего, ради коего ты столько страдал, и не покрывай меня позором и горем. Моли Бога и твоими молитвами обрати сердце царя Асеня, да позволит он мне взять твое тело; ибо будет презирать меня народ мой, если я возвращусь без тебя».

В ту же ночь царь Асень увидел сон, сильно его потрясший: ему явился святитель

Савва и повелел исполнить волю Божию — передать мощи сербам.

Наутро Асень созвал Государственный совет и все рассказал. Советники были поражены, и более всех — патриарх Иоаким. Боясь гнева Божия, они согласились на перенесение мощей.

Гроб извлекли из саркофага и открыли в присутствии обоих монархов, патриарха, духовенства и множества народа. Ко всеобщей радости, тело Саввы было обретоено целым и нетленным, а весь храм исполнился благоухания. Святитель казался уснувшим.

Тут же начали совершаться чудеса: от одного прикосновения к телу или облачению святого больные исцелялись, а бесноватые освобождались от злых духов. Весть об этом быстро разнеслась по городу, массы народа устремились в храм, который не затворялся ни днем, ни ночью.

Царь Асень приказал, чтобы каменный саркофаг сохранялся в честь святителя в том виде, как если бы мощи продолжали почи-

вать там: пусть и далее царская порфира покрывает гробницу, пусть по-прежнему постоянно горят лампы и свечи. Даже и после перенесения мощей святителя Саввы чудотворные исцеления продолжали совершаться у его гробницы. Был, например, исцелен монах Неофит, у которого давно отнялись ноги, так что он передвигался ползком. Однажды, когда он спал у пустой раки святителя, Савва разбудил его, и инок тут же встал и начал ходить. Утром он шел по улицам, и все величали Бога и святителя Савву.

Во всех городах и весях, где бы ни проходил крестный ход с мощами, болгарский народ спешил поклониться святыне, приложиться к ней и воздать угоднику Божию должную честь. То же происходило и на сербской земле. Тело святого встретил архиепископ Арсений в сопровождении многочисленного духовенства, вельмож и необозримого моря народа. Во всей сербской истории нет упоминания о другом столь длинном и торжественном крестном ходе,

каким был этот, при перенесении мощей святителя Саввы из Болгарии в Сербию.

Прошло более полувека с тех пор, как князь Растко покинул Герцеговину и бежал на Святую Гору Афон. А ныне он, святитель Савва, возвратился святыми мощами в ту же область — Герцеговину, в Милешево.

Глава 45

Пламя костра

Турецкое нашествие на Балканы захлестнуло и Сербию, хотя сербы сопротивлялись завоеванию дольше, чем какой бы то ни было из балканских народов. Турецкое владычество положило конец национальным государствам и династиям, уничтожило человеческие права, остановило развитие балканских народов. В таких обстоятельствах единственным прибежищем христиан стала Церковь, при том что они вынуждены были платить завоевателям дорогую и страшную цену кровью.

Некоторые из прекраснейших храмов были обращены в мечети, многие разорены и почти все — ограблены и повреждены. Жича тоже была наполовину разрушена и опустела. Милешево ограбили и разорили, но, к

счастью, не разрушили. Гробница с нетленными мощами святителя Саввы пребывала в мире, и свечи пред нею не угасали даже и после ста пятидесяти лет турецкого ига.

Во времена свободной и независимой Сербии Милешево стало местом паломничеств, равным Жиче и Студенице. Ему помогали князья, жупаны, короли и цари Сербии. Присылали сюда свои пожертвования даже румынские правители, желавшие получить благословение святого Саввы.

В мрачные времена турецкой тирании Милешево стало для христиан прибежищем и местом искреннего покаяния, растворенного небесным утешением и надеждой. Обитель осталась без всякой защиты, на милость и немилость мусульман. Удивительно, но правда: долгое время Милешево охраняли насильно обращенные в ислам сербы и даже сами турки. А делали это мусульмане потому, что были свидетелями бесчисленных чудес от мощей святителя Саввы. Некоторые отважные европейские путешествен-

ники, посетившие Сербию во времена страшного османского владычества, видели раку святого, а на ней — горы подарков, принесенных мусульманами. Сохранились их свидетельства, что поклониться мощам святителя Саввы приходили католики из Далмации и даже иудеи.

Так продолжалось до самого конца шестнадцатого века. В это время турки весьма разъярились на сербов за их частые восстания. Действительно, сербы так и не смирились с тяжелой судьбой рабов. Лесные партизаны доставляли непрерывное беспокойство оттоманским властям. Турки считали, что непокорные ратники вдохновляются именно в древних сербских обителях.

В начале 1595 года новым султаном стал Мухаммед III — сто второй ребенок своего отца. Султан Мухаммед повелел Синан-паше, не выбирая средств, немедленно и навсегда подавить волнения в Сербии. Этот кровожадный паша был поставлен в известность: именно в сербских монастырях подо-

гревается дух недовольства турецким владычеством. Ему были предоставлены доказательства того, что Милешево стало местом паломничества даже для мусульман и что многие из них, видя многочисленные исцеления своих больных и другие чудеса у раки святителя Саввы, переходят в христианскую веру.

Синан-паша приказал перенести тело святого в Белград и там сжечь. Сначала монастырь Милешево был окружен войсками. Затем монахов заставили вынуть из раки деревянный гроб с мощами святителя, ибо турки боялись и прикоснуться ко гробу.

На окраине Белграда, в месте, называемом Врачар, были приготовлены дрова. На них поставили деревянный гроб со святыми мощами. 27 апреля 1595 года тело святителя Саввы было сожжено и стало пеплом. Несколько монахов, стоя на коленях, издали смотрели на костер и ждали, чтобы взять горсть святого пепла и отнести его обратно в Милешево.

Вскоре после этого турки убили двоих выдающихся сербских иерархов. Епископа Вршацкого Феодора они зверски умучили, а из его кожи сделали барабан. Сербского патриарха Иоанна, закованного в цепи, убийцы привели в Константинополь и там повесили на Адрианопольских воротах.

Синан-паша сжег тело святителя Саввы, но возрастил его славу. Живая душа угодника Божия победно взирала из невидимого мира долу, ибо при жизни желанием Саввы было претерпеть мученичество за Христа. Теперь и это его желание исполнилось.

«Господь мне помощник, и не убоюсь, что сотворит мне человек» (Пс. 117, 6).

Оглавление

<i>Святитель Николай Сербский (Велимирович)</i> ...	3
Предисловие	9
Глава 1. Неманя	11
Глава 2. Принц Растко	17
Глава 3. Несостоявшаяся женитьба	21
Глава 4. Беглец	29
Глава 5. Отчаянная погоня	33
Глава 6. Удел Пресвятой Богородицы	37
Глава 7. Новоначальный	42
Глава 8. Строитель	48
Глава 9. Отец, послушный сыну	52
Глава 10. Хилендар	58
Глава 11. Успешная миссия	65
Глава 12. Смерть Симеона	71
Глава 13. Дом тишины	77
Глава 14. Бог прославляет святого	83

Глава 15. Брат против брата	88
Глава 16. Миротворец	95
Глава 17. Дела и слова	101
Глава 18. Еще одна испосница	106
Глава 19. Победа без меча	110
Глава 20. Труженик и чудотворец	117
Глава 21. Одиночество святого	122
Глава 22. Первопроходец	128
Глава 23. Повесть о чудесных событиях	136
Глава 24. Савва становится архиепископом ...	142
Глава 25. Духовная сила, соединенная с властью	149
Глава 26. Живые и мертвые действуют	154
Глава 27. Архиепископ в Жиче	158
Глава 28. Собор в Жиче	163
Глава 29. Стефан — первовенчаный король .	168
Глава 30. Окончание собора в Жиче	172
Глава 31. Буря отовсюду	177
Глава 32. Последние дни короля Стефана	184
Глава 33. Первое паломничество	189
Глава 34. Стопами своего Учителя	192
Глава 35. Пастырь и вождь	200

Глава 36. Защитник	203
Глава 37. Арсений	210
Глава 38. Второе паломническое путешествие	214
Глава 39. Меж верных и неверных	218
Глава 40. Гора Ветхозаветного закона	221
Глава 41. Опасное путешествие	223
Глава 42. Конец паломнического путешествия и жизни	226
Глава 43. Православный мир скорбит	231
Глава 44. Из Тырново в Милешево	233
Глава 45. Пламя костра	240

Святитель
Николай Сербский
(Велимирович)

Житие
Святителя Саввы Сербского

Издательство «ЛОДЬЯ»
Лицензия ЛР 065681 от 19.02.98

Формат 70x100/32. Бумага офсетная.
Объем 7,75 п.л. Тираж 3000 экз.
Заказ 185

Отпечатано
в Типографии Патриаршего
Издательско-полиграфического центра
г. Сергиев Посад
Тел./факс: (095) 721-26-45

